

Харон
говорит: ты не мёртвый,
я тебя на борту не возьму.

СКАЗКИ
НОВОГО
ХЕЛЬХЕЙМА

То есть я загадочно без вести пропаду?

Миры Макса Фрая

Макс Фрай

Сказки нового Хельгейма

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фрай М.

Сказки нового Хельхейма / М. Фрай — «Издательство АСТ»,
2022 — (Миры Макса Фрая)

ISBN 978-5-17-152003-8

Хельхейм в скандинавской мифологии – мир мёртвых, в котором властвует великанша Хель. Мир людей, который средневековые скандинавы называли Серединным миром, Мидгардом, в последние годы стал подозрительно похож на мир мёртвых. Но мы по-прежнему здесь существуем, по мере сил стараясь оставаться живыми. И у нас, живых из Хельхейма, как у любого народа есть свой фольклор. В частности, сказки, предания и легенды. Они нужны, чтобы не забыть, какая бывает жизнь. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152003-8

© Фрай М., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Ради эксперимента	6
Все, кому снится Ирали	11
Семь громов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Макс Фрай

Сказки нового Хельхейма

© Макс Фрай, текст, 2022

© Екатерина Ферез, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Ради эксперимента

Стоит такой, ни жив, ни мёртв. Натурально не живой и не мёртвый, это не образное выражение, а экспертное заключение специалиста. Как и зачем он сюда пришёл, непонятно. Однако пришёл. И стоит.

Харон думает: что не жив, меня не касается. Раз не мёртв, значит не мой клиент.

Харон говорит: не положено.

Харон говорит: уходи.

Этот, который ни жив, ни мёртв, но стоит на берегу Ахерона, кивает. Типа ладно, сейчас пойду. Но не уходит. Стоит и смотрит с таким изумлением, словно прежде не видел ни рек, ни лодок, ни стариков.

Наконец говорит: фигассе, как в древнегреческих мифах. Ты реально Харон?

Харон думает: ну и придурок. Хорошо, что не мёртвый, не мне с ним возиться.

Харон говорит: убирайся отсюда. Туда, откуда пришёл.

Этот придурок, не живой и не мёртвый, говорит: извини. Не сердчай, что пялюсь, как в зоопарке, просто ты же – оживший миф. Говорит: я бы ушёл отсюда, да не знаю, куда. Я дороги во тьме не вижу. Только реку, лодку твою и тебя.

Харон думает: не живой, поэтому и не видишь.

Харон говорит: ты не мёртвый, я тебя на борт не возьму.

Придурок, не мёртвый, но и не настолько живой, чтобы обратиться отсюда подобру-поздорову, садится на берегу, достаёт из кармана короткую толстую палку (трубку? свистульку?) Говорит непонятное: я тут попарю. Если уж вейп нашёлся в кармане. Спасибо, господи, за него.

И выпускает облако ароматного пара, такого... какого «такого», Харон не знает. Не с чем сравнивать, не на что опереться, у него подобного опыта нет. Но чует – не носом, а своим вечным сердцем – что этот удивительный сладостный запах одновременно про жизнь и про смерть.

Мой любимый, – говорит незнакомец. – Frozen forest. Морозный лес.

Харон думает: ну и дела. С виду обычный смертный, а порождает ароматные облака. Может, он из стихийных духов? Я их вблизи давненько не видел, с первого взгляда мог не узнать. Тогда понятно, почему он такой – не живой и не мёртвый. Но всё равно непонятно, что он делает тут.

Харон говорит: ладно, можешь не торопиться. Мне нравятся твои облака.

Порождающий облака говорит: хочешь попробовать? Мне не жалко, держи.

Он суёт Харону короткую толстую палку, трубку, свистульку. Говорит: поднеси ко рту и вдохни.

Харон думает: что значит «вдохни»? Это смертные вдыхают и выдыхают, я им не чета. Но запах морозного – что такое «мороз»? – леса – ну, с лесом примерно понятно – так сладко кружит ему голову, что больше не остаётся вопросов. И лодки. И Ахерона. И повелителя облаков. И самого Харона не остаётся. Но кто-то здесь всё-таки есть. Этот кто-то помнит, что прежде, до морозного леса, до сладкого дымного облака, до жизни, до смерти у него было имя «Харон».

Порождающий облака говорит: что, голова закружилась? Так с непривычки бывает. Прости, не предупредил.

Порождающий облака спрашивает: ты в порядке?

Харон не знает, что такое «в порядке». И чем оно отличается от «не в порядке». Поэтому он молчит.

Порождающий облака беспокоится: тебе стало плохо?

Что такое «плохо», Харон понимает. Примерно. Теоретически. Из чужих разговоров. Харон отвечает: ты ошибаешься, мне хорошо.

Порождающий облака забирает палку-трубку-свистульку. Говорит: хватит пока с тебя. Спрашивает: слушай, так это правда, что ты перевозишь мёртвых? А куда? Неужели, как сказано в мифах, в ад?

Харон думает: всё-таки он придурок. Хоть и способен рожать чудесные ароматные облака. Впрочем, стихийные духи часто ведут себя как придурки. Не самое сильное место у них голова.

Харон говорит: да почему сразу в ад? Просто на другой берег.

Придурок интересуется: а что на другом берегу?

Харон отвечает: так это от пассажира зависит. Каждый мёртвый – сам себе другой берег, я это имею в виду.

Придурок кивает: а, тогда ясно, почему все боятся после смерти оказаться в аду.

Харон думает: всё-таки он не придурок. Кое-что в наших делах понимает. И облака у него отличные. Такие как надо. Пахнут жизнью и смертью. Точно стихийный дух.

Харон говорит: мне понравилось твоё облако. Дай я его ещё раз вдохну.

Дух отдаёт Харону волшебную палку. Говорит непонятное: парь на здоровье, раз тебе вейп понравился. А потом говорит понятное: я очень рад.

Говорит (Харон его слышит, но не особо вникает в сказанное, он вдохнул ароматное облако, он сам сейчас облако, ему всё равно). Говорит: мы из разных мифов. Ты – Харон, с тобой всё понятно. А я, наверное, Ной.

Харон думает: врёт, но ладно, хоть какое-то имя. С именем проще. Пусть будет Ной.

Ной говорит: прикинь, мне было видение. Тихий ласковый голос, невыносимый яростный свет. В жизни не видел ничего прекрасней этого света. В жизни не слышал ничего, чем тот голос страшней.

Это Харон хорошо понимает. Всякий раз налегке возвращаясь с другого берега, он слышит, как страшный ласковый голос благодарит его за работу. Всякий раз, закрывая глаза, он видит прекрасный яростный свет.

Харон думает: надо же, у нас общие знакомые есть.

Ной говорит: этот ласковый голос сказал мне, что люди ему надоели. Нет от них ни толку, ни радости. И даже не особо смешно. Разве что я неплохо удался. Тоже, конечно, не зашибись какой праведник, а всё-таки вполне ничего. Ради эксперимента можно оставить, вдруг получится толк.

Ной говорит: этот голос сказал мне, что в новую жизнь надо взять с собой каждой твари по паре. Всего по паре, прикинь! У меня два кота и кошка; с кошкой как раз понятно, а из котов, получается, спасётся только один? И почти у всех соседей собаки, такие хорошие. И утки – их на пруду в нашем парке целая стая. И галки. И лошади. И воробьи.

Харон говорит: каравай-каравай, кого хочешь, выбирай, – и смеётся. Смех у Харона лающий, хриплый, но не потому, что тот хтоническое чудовище, просто давно не смеялся, отвык.

Ной говорит: и это я тогда ещё о слонах, тюленях и зайцах не вспомнил. О ежах, китах и пингвинах. И обо всех остальных. Но голос, спасибо за это, господа, признался, что пошутил. Звери, птицы и рыбы и так останутся, к ним нет никаких вопросов. И цветы, и деревья. Вообще весь растительный мир. Его только люди достали. И все, что мы понастроили – фермы, заводы, деревни и города. Но голос сказал, чтобы я не расстраивался, что придётся их потерять. Всех и всё, что в ковчег поместится, можно с собой забрать.

Харон думает: ишь, какая персона важная! А по виду не скажешь. Ну и дела.

Ной говорит: больше всего я тогда испугался, что придётся самостоятельно строить этот ковчег. Я же не корабел и не плотник. Сраный айтишник, как сейчас почти все. За всю жизнь своими руками только икеевский табурет собрал. Да и то один болт оказался лишний, так и не понял, куда его надо было вворачивать. Хотя инструкцию раз десять перечитал.

Харон думает: персона ты может и важная, а всё равно придурок, каких свет не видывал. Табурет какой-то несчастный по инструкции не собрал!

Ной говорит: я придурок, конечно. Что «ковчег» – это просто метафора, сперва не догнал. Но ласковый голос в бесконечном своём милосердии мне понятными человеческими словами это сказал. Ничего руками делать не надо, любить достаточно. Что поместится в моё сердце, то спасено. Представляешь, как я обрадовался?

Харон отвечает: не представляю. Но похоже, твоим любимым крупно с тобой повезло.

Ной говорит: я тоже сперва так подумал. И стал вспоминать. Сам удивился, но первой вспомнил Агату, хоть она от меня и ушла. Бабушку с папой, Марину и Биргит. Маму и брата. Племянников и Карину, хотя она... да ладно, неважно, чего натворила Карина, лишь бы она была. Девочку из соседней кофейни, не знаю по имени, новенькая бариста, у неё смешные косички и ореховые глаза. Тётю Нелли, в которую я влюбился, когда мне было четыре года – за серьги с якорями в ушах. Лучшего друга Яна, с которым ходили в школу. И остальных друзей, получилось человек пятьдесят. Например, Валентина, с которым мы давным-давно на каникулах ездили автостопом в Краков. И сам город Краков, красивый, как сказочная мечта. И Прагу, конечно. И Киев. И Лиссабон. Я когда впервые там оказался, не мог поверить, что города такими бывают. Думал, уснул в самолёте и вижу сон. И ещё города, где бывал, их оказалось всего двадцать восемь, не густо пока! И другие, которые видел на фото и мечтал побывать. Этот список почти бесконечный. А ещё есть деревни, посёлки, я даже названий не знаю, только помню, что они мне понравились. Слишком много смотрел инстаграм! Короче, чего сейчас пересказывать. Я весь день и всю ночь вспоминал и любил – людей, знакомых и незнакомых, набережные, дома, ночные шоссе и кофейни, площади, парки и целые города. Всё, что видел хотя бы мельком, всё, о чём только слышал. Такие завораживающие бывают названия: Сан-Паулу, Гранада, Херсон. А ещё музыканты и композиторы. Гласс, Лори Андерсон, Брегович. И Джармуш; правда, он режиссёр, но неважно, какая разница, лишь бы и дальше был. И художники, и писатели. Их мне пришлось заочно сразу всех полюбить, потому что иначе нечестно. Они же не виноваты, что я мало читаю и не понимаю картин. И смешная рыжая тётка из киоска с мороженым, и моя учительница географии, и лысый старик в косухе, водитель шестого трамвая, когда на него с утра попадаю, день складывается удачно, и все врачи из ветклиники, и уличный саксофонист... Короче, я, сам видишь, пожадничал. Сердце слишком маленькое оказалось. Треснуло и порвалось. Не поместился в него весь мир.

Харон думает: ни хрена себе маленькое. Полмира, как минимум, точно туда вместил.

Харон говорит: то-то ты ни живой, ни мёртвый. Сам-то может и правда помер, но в твоём сердце полно живых.

Ной говорит: вот именно. Я и сам уже понял, пока тут парил с тобой. Но я знаю, что делать. Ты мне поможешь?

Харон думает: вот интересно, чем тут можно помочь?

Ной говорит: у тебя есть ковчег. То есть, лодка. У меня – пассажиры. Я их в своём сердце собрал. Два мифа вместе – страшная сила. Ну что, по рукам?

Харон думает: вот бедняга. Впервые вижу, чтобы мёртвый уже после смерти сошёл с ума.

Харон говорит: хоть ещё триста раз умри, не возьму тебя в лодку. Не повезу никуда. На другом берегу – царство мёртвых. А в сердце твоём – живые. Им нечего делать там.

Ной говорит: к другому берегу и не надо. Нам бы куда-нибудь в устье. Или к истоку. У всякой реки есть устье с истоком. А Ахерон – река.

Харон говорит: я видел однажды устье. Не надо туда тебе с твоим грузом. Нам всем не надо туда.

Ной говорит: ладно, понял. А что с истоком?

Харон молчит, потому что не знает. Ему до сих пор даже в голову не приходило таким образом поставить вопрос.

Харон говорит: мне теперь самому интересно, что у этой реки за исток.

Харон думает: это что я сейчас сказал? «Интересно»? Мне – интересно?! Что я имел в виду?

Харон спрашивает: где твоё облако? Я хочу его ещё раз вдохнуть.

Харон получает палку-трубку-свистульку и делает вдох. Вдыхает облако и превращается в облако, которое помнит о том, что оно – Харон.

Харон смеётся. Смех у него больше не лающий, даже почти не хриплый. Не потому, что уже тренированный (хотя это тоже), а потому что он сейчас облако. А облака нормально умеют смеяться, уж точно не лают и не хрипят.

Харон говорит: прикинь, я только что понял. Мне теперь самому в этом челне сидеть не положено. Я же вдохнул, как обычный смертный! Как живой. Я – живой!

Ной говорит: ни хрена себе твоя лодка выросла! Теперь даже мы с моим сердцем здесь поместимся наверняка.

Харон говорит: не знаю, как так получилось. Это она сама!

Ной говорит: ну теперь-то море тебе по колено. Тем более если оно – река. Ну что, поедем к истоку?

Харон хохочет: «поедешь» ты на телеге! Не «ездыт», а «ходят» на кораблях.

Ной говорит: так точно. Конечно ты прав. Разрешите подняться на палубу, господин капитан.

Харон говорит: «палуба» – ужасно красивое слово. И «господинкапитан» – ужасно красивое слово. Все слова такие красивые! Раньше я этого не понимал.

Ной говорит: и не только слова. Всё на свете ужасно красивое, когда ты живой.

Ной поднимается на палубу огромного корабля. Корабль отчаливает. Проходит, как в мифах положено, вечность. А может быть целых два дня.

Харон говорит: там, впереди, я не знаю, что это такое. Синее, зелёное, золотое. На воду совсем не похоже!

Ной говорит: земля.
31 мая 2022 г.

Все, кому снится Ирали

В телефоне звенит будильник, Мика, не просыпаясь, отключает звонок и говорит, чуть не плача – не наяву, в сновидении, устами той Мики, которая всё ещё сидит на крыльце рядом с сестрой: «Чёрт, как некстати, мы же собирались к Рубину», – и Нина её утешает: «Да ладно, подумаешь, сто раз ещё сходим потом».

– Я так не хочу уходить во Тьму за Ворота! – чуть не плачет Мика. – Не хочу туда ни сейчас, ни потом, никогда. Там уже наступила зима – знаешь она какая?

– Мы же это в школе учили, – невольно улыбается Нина.

– Пока не попробуешь, не представишь, точно тебе говорю. Темнеет сразу после обеда, город освещают только редкие тусклые фонари, а на улице минус двадцать. Температура воздуха минус двадцать, прикинь! И самое главное, пока зима продолжается, ты не можешь поверить в лето, раньше оно может и было, но больше точно не будет, эта зима – навсегда. А сейчас там ещё карантин объявили, теперь на юг зимой не сбежишь. Даже из города не уедешь, полицейские патрули перекрыли дороги, не впускают, не выпускают, и не только у нас, а вообще везде, во всём мире, как будто все люди преступники, или идёт война. Я там задыхаюсь, тебя и себя забываю, не хочу туда возвращаться, держи меня, дорогая, не отпускай.

Нина крепко обнимает сестру, её дважды просить не надо; обе знают, что от ухода во Тьму за Ворота это не помогает, уж если уходишь, значит уходишь, никому тебя не удержать. Но, во-первых, уходить, когда тебя обнимают – ну, просто приятно. Уж всяко лучше, чем если просто сидят и глядят. А во-вторых, остаться, конечно, нельзя, но задержаться-то можно. Ненадолго, на минуту-другую; впрочем, ходят слухи, что некоторые счастливики, когда их обнимали как следует, задерживались дома на целый дополнительный час. Плюс, Нине самой это нравится, обнимать того, кто уходит, говорят, огромное, ни на что не похожее удовольствие; Мика не представляет, как это, сама уходящих ни разу в жизни не обнимала, потому что она-то из тех, кто уходит во Тьму за Ворота, не может жить в Ирали непрерывно, всегда.

Нина, и не только она, все вокруг совершенно уверены, что те, кто уходит во Тьму за Ворота и возвращается, счастливики: две жизни интереснее, чем одна. Теоретически, Мика с ними согласна, «две жизни» – шикарно звучит. Но на практике ну его к чёрту. Я иногда ухожу из Ирали во Тьму, за Ворота, и завидую Нине, которая здесь остаётся, а она завидует мне, – думает Мика. – Будь наша воля, мы бы с ней поменялись! Но воля не наша, я – переменная, она – постоянная, такими уж мы родились.

Я – переменная, – думает Мика, проснувшись, и сама удивляется – почему переменная? С чего я взяла? Какая из меня, к чертям, переменная, я всё время одна и та же, с детства, сколько помню себя. «Да заткнись ты уже», – говорит она телефону и наконец выключает будильник, предусмотрительно запрограммированный на повторный звонок. Сраный будильник, – думает Мика, откидывая тяжёлое одеяло. – Мне же что-то такое хорошее снилось! Самое лучшее в мире. А теперь ни хрена не помню. Когда просыпаешься по будильнику, невозможно вспомнить, что снилось, и это хуже всего.

Это хуже всего, – повторяет Мика, она чуть не плачет, торопливо натягивая колготки, рейтузы, штаны. – Слишком много одежды, меня под ней уже почти не осталось, ненавижу так паковаться, но зимой иначе нельзя.

Это хуже всего, – кривится Мика, пробуя кофе. Больше года прошло с тех пор, как она отказалась от сахара, а никак не может привыкнуть, всё стало невкусное, и настроение постоянно, в лучшем случае, на нуле. Но ради здоровья надо терпеть. Сахар – вредно. От него болезни и ожирение. Калорийный наркотик, белая смерть.

Это хуже всего, – горько вздыхает Мика на пороге комнаты сына. – Мало того, что сама в несусветную рань поднимаюсь, как проклятая, так ещё и ребёнка надо будить; его счастье, что теперь занятия в Зуме, толку от них, похоже, совсем никакого, зато на целый час дольше спит.

– Всего полчаса до начала урока осталось, – сочувственно говорит Мика сыну, который ни ей, ни новому дню откровенно не рад. – Иди на кухню, позавтракай, я там гренок нажарила, пока собиралась. И в холодильнике есть ветчина.

Это хуже всего, – обречённо резюмирует Мика, надевая новый сиреневый пуховик и доставая из кармана медицинскую маску. Дышать в ней почти невозможно, у Мики в глазах темнеет, кружится голова и подступает паника: когда не хватает воздуха, Мике кажется, что её закапывают живьём. Но если ходить без маски по улице, даже ехать в своей машине с закрытыми окнами, запросто можно нарваться на штраф. Мика, конечно, когда чувствует, что совсем задыхается, высовывает наружу нос. Но всё равно, это хуже всего на свете. Всё равно, всё равно.

* * *

Юри, семнадцатый джинн Ирали, выходит из гаража, где он ремонтировал грузовик соседа дяди Георгия; совсем немного сделать осталось, работы максимум на пару часов. Жаль, не успел закончить, – думает Юри. – А теперь только завтра, да и то ближе к вечеру, с утра буду лежать пластом.

Никому не нравится бросать работу на середине, но джиннов особо не спрашивают, что им нравится, а что нет. Пришло твоё время – дуй на Вечную площадь и пылай. Юри ещё повезло, что джиннов в Ирали сейчас двадцать восемь, пылать не слишком часто приходится, куча времени остаётся на работу, вечеринки и другие дела. А вот дед рассказывал, при нём джиннов одно время было всего четверо, так уж неудачно сложилось, что многие старшие в том поколении оказались с коротким призванием, ушли в отставку, когда новая смена ещё не подросла. Дед и его напарники только и успевали между воспламенениями что поесть и поспать; года полтора это безобразие продолжалось, потом сразу три девчонки с призванием наконец подросли, закончили школу и проявились в полную мощь, так что стало полегче. Жесть, конечно, – думает Юри. – Пылать каждый день! Я бы сдох. И насмешливо отвечает себе голосом деда: да ладно, подумаешь, великое дело. Джинны всё могут. Надо, так надо, Ирали позвал – идёшь и пылаешь. Нежная какая пошла молодёжь.

За три квартала до Вечной площади Юри почти поневоле переходит с быстрого шага на бег. А потому что не надо тянуть до последнего, – весело думает Юри. – Сразу, как только почувствовал внутренний жар и трепет, всё бросай и иди. Вот будет смеху, если я сейчас вспыхну, не добежав до площади, как с Нелли однажды было, заболталась в кофейне с подружками, выскочила в самый последний момент, ну и загорелась потом на углу Короткой и Радужной, а вдова Саркисян из жёлтого дома с башенкой, не разобравшись, ведро воды на священное пламя прямо с балкона вылила, чтобы пожар потушить. Не ужас-ужас, конечно, но переполох получился знатный, всем кроме вдовы и Нелли до сих пор смешно вспоминать.

Однако Юри прекрасно всё успевает, даже раздеться; для ритуала это не то чтобы обязательно, однако в его интересах: одежда на джиннах горит вместе с ними, но из пепла, к сожалению, не восстаёт. Спецовка у Юри старая, вся в масляных пятнах и залатана в трёх местах, просто ему неохота бегать с утра по лавкам в поисках новой вместо того чтобы спокойно позавтракать и пойти работать в гараж.

Светка, дежурная жрица Священного Пламени, забирает его спецовку, аккуратно складывает, смеётся:

– Ну у тебя сегодня парадный наряд!

– Прямо из гаража прибежал, чинил грузовик соседа, он же у дяди Георгия из Тьмы за Воротами, поэтому никто не берётся, типа надо новое сцепление во Тьме покупать, а это сложно, – скороговоркой объясняет ей Юри. – Из Тьмы же, ты знаешь, мало что получается пронести. Но я разобрался, в чем там проблема. И уже почти починил.

Джинны, конечно, не обязаны отчитываться жрецам Священного Пламени, как живут и чем занимаются, пока не горят, но когда ты – мастер, способный починить машину аж из самой Тьмы за Воротами, невозможно не хвастаться всем подряд.

– Да, ты знаешь толк в неистовых наслаждениях! – смеётся Светка.

Юри тоже смеётся. Он рад, что сегодня на Вечной площади дежурит не кто-нибудь, а она. Светка его бывшая одноклассница, они на физике рядом сидели, вместе клеили макет параллельной реальности, а это уже практически фронтовое братство, как во Тьме за Воротами говорят. Поэтому Светка не только сама по себе хорошая, а ещё, ну, как бы немножечко добрый знак. Хотя непонятно, зачем джинну какие-то дополнительные добрые знаки, Вечная площадь – не казино, тут не может быть неудачи, невозможно неудачно пылать. Даже Нелли, когда промазала, в смысле, не добежала до площади, отлично пылала, и Ирали был этому рад; собственно, Вечная площадь нужна не ради строгого соблюдения ритуала, без которого всё могло бы пойти не так, а просто для поддержания порядка. От остального города её отгораживает стена, сложенная из крупных розовых и зеленоватых камней, такими же камнями помельче вымощена мостовая, а вокруг ни цветов, ни деревьев, ни лавок, ни кабаков, ни жилья, поэтому можно пылать там в полную силу и не беспокоиться, что нечаянно спалишь клумбу, или чей-то сарай.

Но всё равно Юри рад, что сегодня дежурит именно Светка, которая добрый знак. Он уже четвёртый год джинн, но до сих пор каждый раз волнуется, как артист перед началом спектакля; всё-таки, – это последнее, что успеваешь подумать уже вспыхнувший Юри, – я немножко дурацкий и ужасно смешной. Мы смешной! – с удовольствием повторяют языки священного пламени, в которое он превратился, за исчезнувшей в нём человеческой головой. И весь мир Ирали вслед за пламенем повторяет: «Ты смешной, я смешной, мы смешной!»

Когда джинн пылает на площади, он в каком-то смысле и есть мир Ирали. Точнее, воля мира к осуществлению, как говорят учёные; короче, Юри в таких материях не разбирается, теоретик он никудышный, зато отличный мастеровой. И джинн из него получился отличный, лучший в своём поколении, – говорят о нём старики, шёпотом, за спиной, чтобы особо не зазнавался. Хотя джинны Ирали обычно не зазнаются. Им, ну, просто не до того.

* * *

– Всё, мне хватит, – говорит Стив и накрывает стакан ладонью.

– Как – «хватит»?! – изумляется Чанки, его старый друг. – Это же просто пиво. Одна бутылка! И ты её не допил.

– Да я считай завязал, – улыбается Стив. – Просто встретил тебя – мы же сколько не виделись? Года три? Ничего себе. Как это мы?.. Ну и решил на радостях, что пара глотков по такому поводу точно не повредит. Оно и не повредило. Но теперь мне хватит. Серьёзно тебе говорю. Нет, я не спятил. И не хвораю. И не стал кришнаитом, ты с таким подозрением не смотри.

Оба смеются, но Чанки в недоумении. Это же Стив! Который от лишней рюмки никогда не отказывался, любого мог перепить и похмельем особо не мучился: с утра, пока ты по кухне ползаешь, как притравленный таракан, этот супергерой уже бодро сварил всем кофе, выжрал пачку томатного сока и на репетицию убежал.

– Что, играть стало трудно? – наконец спрашивает Чанки. Если Стив не врёт про здоровье, это единственный вариант.

– Типа того, – флегматично кивает Стив. И снова смеётся: – Ай, да не слушай! Играть-то как раз лучше с выпивкой. У меня до сих пор всегда с собой фляга, потому что перед выступлением обязательно надо сделать глоток. Но только один, чтобы самые первые ноты пошли легко. А потом уже само получается, можно не добавлять. Я и не добавляю. Скучно быть пьяным, хватит с меня.

Чанки пожимает плечами – хватит так хватит, дело хозяйское. Уже давно не мальчишки, чтобы друг дружку подначивать и заставлять. Но всё равно интересно, что это на Стива нашло.

На всякий случай он переспрашивает:

– Точно у тебя всё нормально? – и добавляет, но не вслух, конечно, а мысленно: «А то я, знаешь, уже задолбался старых друзей хоронить».

– Да что мне сделается, – Стив улыбается так тепло, словно прочитал его мысли. – Не парься, приятель, забудь. Я, может, вообще бессмертный, как Горец – помнишь, было когда-то такое кино? А бухать завязал, потому что ну правда же скучно. И жалко снов.

– Чего-чего тебе жалко?

Чанки уверен, что не расслышал, но Стив повторяет:

– Снов мне жалко. Такая круть в последнее время снится, как будто мозг сам научился вырабатывать ЛСД. Но только на трезвую голову. В этом фишка. Если сейчас с тобой тут добавлю, ни хера интересного мне не приснится, причём не только сегодня, а потом ещё несколько дней.

– Ты серьёзно? – изумляется Чанки. – Всё понимаю, но не бухать, чтобы видеть сны?! Просто сны! Похоже, эльфы тебя украли. Вернее, Стива. Ты – это точно не ты!

– Да хрен их знает, может, и правда украли, – мечтательно улыбается Стив. – А потом отпустили на волю; по-моему, зря. Но хотя бы во сне снова в гости пускают. Это многое объясняет. По крайней мере, теперь понятно, о чём эти сны.

* * *

Первое, что Юри чувствует по-человечески, восставая из пламени – что-то прохладное и шелковистое на горячих дымных плечах. Первое, о чём Юри думает человеческой головой – вот же Светка какая шустрая, я ещё не совсем существую, а плед у меня уже есть. Все жрецы в этом смысле не промах, очень быстро и ловко кутают в одеяла, не успеваешь продрогнуть, а всё-таки Светка проворней всех.

Пока Юри думает – медленно, с приятным, но ощутимым усилием, как ходят по горло в воде – в его руках появляется кружка с горячим чаем, щедро сдобренным ромом и мёдом. Он улыбается:

– Ух, спасибо! Ты положила лимон!

Юри пьёт чай – сперва медленно, маленькими глотками, а потом всё уверенней и быстрее. Пока пьёт, приходит в себя и вспоминает, что было. Ничего себе, – озадаченно думает Юри. – Ну я дел натворил!

– Представляешь, – говорит он Светке, – я Ворота закрыл. То есть, не лично я. Ну, понятно же...

Светка молча кивает. Уж кому-кому, а жрице понятно: что было сделано пламенем джинна, того захотел Ирали. Весь наш огромный мир.

– Значит так было надо, – наконец говорит ему Светка. – Тогда знаешь что? Я сейчас отвезу тебя не домой, а в Ратушу, там где-нибудь уложу. Поспишь немного, пока я всех соберу. А потом разбужу, ничего не поделаешь. Хотя заранее ужас как жалко. Прости!

– Да конечно буди, – соглашается Юри, поднимаясь сначала на четвереньки, а потом со Светкиной помощью и на ноги. Ему сейчас кажется, что земля превратилась в качели и вот-вот сделает «солнышко», полный переворот. Но Юри не падает, а, опираясь на Светку, идёт к

машине – медленно, осторожно, как младенец, который только начал ходить. Он уже опытный, знает, что поначалу не стоит выпендриваться, отказываться от помощи и спешить.

В машине Юри предсказуемо засыпает, всем джиннам после того, как угасли, обязательно надо поспать. Сквозь сон он чувствует, как машина замедляет ход, останавливается, его поднимают с сидения и куда-то несут; ясно, что Светка позвала помощников, но Юри сквозь сон бормочет: «Фигассе какая ты сильная! Как котёнка меня ухватила», – просто чтобы её насмешить.

* * *

Проснувшись, Ева ещё долго не открывает глаза. Она уже знает: если откроешь глаза, картинка сразу растает. Бесценное, неповторимое зрелище, самый последний кадр. То, что видела перед уходом – откуда? Да ясно, откуда, из сна. Ева всегда пытается вспомнить, что в этом сне ещё было, какие события, люди, слова. Но вспомнить не удаётся. Ну, это нормально, Ева уже привыкла. За работой память иногда возвращается, а с утра – никогда. По утрам у Евы есть только смутное ощущение чего-то невыразимо прекрасного, да картинка перед глазами. Сегодня это улица, белые камни, деревья с красными листьями, за деревьями разноцветные покатые крыши, над ними сизое небо, текучее, как река, и свет какой-то совершенно особенный, перламутровый, его, конечно, никакими средствами не передать, но у меня иногда почти получается, – вот о чём сейчас думает Ева, не открывая глаз, чтобы картинку не потерять.

Раньше Ева, проснувшись, открывала глаза слишком быстро – сразу, как делают все. Потому что если проснулась, значит пора вставать, умываться, идти на кухню, пить кофе, готовить завтрак и всё остальное, что люди обычно делают по утрам. Порой взхлёб рыдала над умывальником, потому что снова забыла картинку, всё пропало, ушло навсегда. Но чем дольше не открываешь глаза, тем лучше запоминаешь, это Ева не сразу, но всё-таки поняла. Сколько лет – пятнадцать? семнадцать? – назад это было? Ай, неважно. Давно. С тех пор очень многое изменилось, и прежде всего – Евино расписание. Уже давно ничего и никто не имеет права тревожить и отвлекать её по утрам.

Не открывая глаз, Ева берёт с тумбочки термос с заранее, с вечера сваренным кофе. Наощупь наливает в чашку и пьёт. Наощупь же пробирается к туалету, ей и самой каждый раз смешно. Сейчас привыкла, а когда-то было целое приключение. Такая нелепая жизнь, – думает Ева, которой для счастья – нет, больше чем счастья, для смысла – всего-то и надо как можно дольше не открывать поутру глаза. Потому что в темноте под закрытыми веками ещё струится перламутровый свет, мерцают белые камни, трепещут алые листья, и голубиное небо течёт как большая река.

Глаза Ева откроет позже, уже после кофе с печеньем и первой утренней сигареты, стоя в пижаме перед холстом. В этом заключается главная хитрость – надо ясно видеть картину в тот момент, когда начинаешь писать. Дальше – легче. Если начать как надо, картина допишет себя – твоими руками, а всё равно сама.

– Надо груш отнести Георгию с Ларой, я им обещала, – бормочет Ева. И сама удивляется: каким Георгию с Ларой? И где я груши возьму?

Но на самом деле, она не очень-то удивляется. Ева уже привыкла вспоминать свои сны, когда их рисует. Не всё, к сожалению, а только отдельные эпизоды, но это лучше, чем ничего. Вот и сейчас она вспоминает: груши из нашего с Элом сада, очень поздние, только к декабрю поспевают, редкий сорт ни у кого таких нет. А Лара – наша с Элом соседка. И Георгий тоже сосед.

– Эл, – бормочет Ева. – Ну надо же. Эл! Я во сне, получается, замужем. Счастливо. И уже давно, много лет.

Как я Эла могла не помнить? – удивляется Ева. – Он же снится мне каждую ночь, кроме тех, когда, согласно сюжету сна, он в отъезде, но тогда мне обязательно снится хоть один его телефонный звонок. Эл классный. Высоченный, с крыжовенными глазами. И с хорошим характером, с таким невозможно поссориться. Лучший в мире мой Эл, – изумлённо думает Ева и вдруг начинает плакать так горько, словно умерли сразу все в мире, начиная с неё самой.

– Какого чёрта, – бормочет сквозь слёзы Ева. – Какого же чёрта. Какого чёрта ты, любовь моя, просто сон?!

* * *

Юри просыпается чёрт знает где, в огромной комнате с высоченными потолками, в его доме таких помещений нет. Здесь не то что темно, но сумрачно, из распахнутых окон льётся предвечерний сиреневый свет. Юри лежит на диване, укрытый пледом. И хорошо, что укрытый, потому что он голый. Кроме пледа на Юри нет ничего. При этом вокруг сидят люди. Одетые. Почти все – знакомые. И внимательно на него глядят. Как это я так влип? – изумляется Юри. – Неужели напился? И проигрался в карты на раздевание? Да ну, быть не может, я же всё-таки джинн.

Но это только в самый первый момент, потом Юри всё вспоминает – как он пылал и закрыл Ворота. И как Светка сказала: поехали в Ратушу, уложу тебя там где-нибудь. Так это у нас, – доходит до Юри, – Большое Собрание. И, получается, это я на Большом Собрании голый, как дома сплю. То-то в детстве гадалка мне предсказала, что я однажды весь мир удивлю.

– Ты как? – спрашивает Светка.

Она тоже здесь, оказывается. На стуле рядом сидит.

– Голова тяжеленная, – признаётся Юри. – И дурная, как у пьяного. А так вполне ничего. Мне бы чаю покрепче. И наверное надо одеться. Ты спецовку мою с площади забрала?

– Забрала, – кивает Светка, протягивая ему чашку с чаем. – Только она в машине осталась. Прости.

– Да ладно тебе, – смеётся Таис Михайловна. – А то мы голых джиннов не видели. Переживём.

Таис Михайловна странная. Ну, ей так положено, она – Тёмный мэр. В Ирали два мэра – обычный и Тёмный. Нормальный мэр занимается хозяйственными делами, а Тёмный – Тьмой за Воротами, самими Воротами и всем остальным. И джинны, и жрецы находятся под его покровительством. И сам Тёмный мэр обязательно бывший джинн, другой бы с такой работой просто не справился. Надо быть в курсе того, чем занимаешься. Только бывшие джинны, плававшие Священным пламенем на Вечной площади ради осуществления мира Ирали, знают, что ему нужно. Чего от нас хочет наш мир.

Но Таис Михайловна странная даже для Тёмного мэра. Говорят, у неё причуд больше, чем у оперной примадонны – то каждый день требует устриц и водки на завтрак, то месяцами вообще ничего не ест и не пьёт. Круглый год, даже жарким летом ходит в старомодном мужском костюме, курит только кальян и везде его с собой носит под мышкой, а живёт у всех своих подчинённых по очереди, по специальному графику, чтобы никому не было обидно. И селится только на чердаках.

– Ты извини, – говорит тем временем Юри Таис Михайловна, – что мы тебя разбудили. По-хорошему, после того, как пылал, следует хотя бы часов десять поспать. Но нам надо срочно узнать, что ты чувствовал. В каком настроении были вы с Ирали, когда закрывали Ворота. Расскажи всё, что помнишь, и отпустим тебя отдыхать.

– Да конечно, – кивает Юри. – Сам понимаю, что надо. Только я хреноватый рассказчик, ты знаешь. Никогда не могу найти нужных слов. Но настроение у нас было весёлое, это точно. По-моему, даже веселей, чем всегда. И такое, знаешь, азартное. Как когда что-то делаешь на

спор. Вроде как «мне не слабо, я умею!» И: «сам смогу, без помощи обойдусь!» Ой, нет, стоп. Я вспомнил. «Обойдусь» – это было самое главное настроение. Мы с Ирали конечно были весёлые. Но при этом как будто с другом поссорились и веселились не просто так, а ему назло. Типа, подумаешь, обойдёмся. Сам, дурак, виноват.

– Ясно. Значит, как в прошлый раз, – кивает Таис Михайловна. – Один в один. – И в ответ на вопросительный взгляд Юри объясняет: – В прошлом столетии, когда во Тьме за Воротами началась большая война, Ворота тоже закрылись. Лет на десять примерно, потом открылись опять... Чего ты так смотришь, как будто впервые услышал? Ты же историю в школе учил.

– Учил, – растерянно соглашается Юри. – Конечно я помню. Но сейчас-то во Тьме за Воротами вроде бы нет войны.

* * *

Второй стакан точно был лишний, – думает Стив. Он мрачен, как туча, хотя стоит в центре просторной кухни, залитой солнечным светом, для зимы сегодня просто шикарный день. И кофе практически идеальный, всегда надо покупать этот сорт. И Битовски позвал на запись – не очередной хрен с горы, а Битовски, в свой знаменитый оркестр. Ну, то есть, понятно, что у него кто-то из постоянного состава внезапно попал в больницу, или, что вероятней, просто заперт на карантин. Но мне-то какая разница, что там у них случилось, – говорит себе Стив. – У Битовски огромный выбор. А позвал он не кого-нибудь, а меня. Запомнил, значит, после того прослушивания, когда у нас не срослось.

Всё отлично, – думает Стив. – Всё и раньше было неплохо, а сегодня дополнительно повезло. Как минимум, останется запись, где я играю с оркестром Битовски. Отличная строка в резюме. А как максимум... Ладно, глупо заранее строить планы. Посмотрим, как сложится. Но мой ангел-хранитель – офигенный чувак.

Всё отлично, – говорит себе Стив. Повторяет: – У меня всё отлично. А что снилась всякая пакость; даже не то чтобы именно пакость, обычная ерунда, ну так сам виноват. Это пиво. Да, мало, но вот с такими причудами у меня теперь организм. Ладно, всё правильно сделал, тайное пиво в подпольном баре, куда тебя приводит приятель чёрным ходом через подвал, по нынешним временам – настоящее приключение, надо брать. Главное, сегодня на радостях не нажраться. А сны вернутся, как всегда возвращались, куда они денутся от меня.

– Все отлично, – произносит Стив, почему-то вслух, хотя он в квартире один. И внезапно – он правда не собирался, зачем? – швыряет почти пустую светло-серую чашку в светло-серую стену. И в полном недоумении смотрит на брызги, осколки, большое пятно.

* * *

– Вроде, во Тьме за Воротами сейчас нет войны? – повторяет Юри, но теперь с вопросительной интонацией. Потому что Таис Михайловна как-то очень уж долго молчит, и Юри поневоле начинает подозревать неладное. Мало ли, что там успело случиться. За этой Тьмой за Воротами глаз да глаз.

Вообще-то обычно Юри за новостями из Тьмы следит. Это не обязательно, но он и сам понимает: джину про Тьму за Воротами лучше на всякий случай побольше знать. Однако на этой неделе Юри забил на новости. Времени не было, ремонтировал грузовик. Теперь-то приятно хвастаться, что получилось легко и просто, а на самом деле, долго с ним разбирался. Но разобрался же! И уже почти починил.

– Да во Тьме за Воротами вечно кто-то с кем-то воюет, – наконец отвечает Таис Михайловна. – Совсем малахольные там они. Сейчас, вроде, бомбы особо не падают, просто населе-

ние запугали и заперли. Но мне, знаешь, кажется, это у них теперь новый способ войны. И нашему миру, видимо, тоже так кажется, раз Ворота закрыл.

– Я же правильно понимаю, что для нас это не катастрофа? – неуверенно спрашивает незнакомый мужчина. Юри раньше его не видел. А может видел, но мельком и сразу забыл. – Я имею в виду, – объясняет тот, – если Ворота уже закрывались, и с Ирали ничего ужасного не случилось?..

– Да нам-то что сделается, – пожимает плечами Таис Михайловна. – Пусть наши соседи хоть в адскую бездну провалятся, нас это не касается. У Ирали своя судьба. Мало ли, как в древности было. Уже много веков Ирали овеществляется пламенем наших джиннов, а не зыбким свечением чужих предрассветных снов.

– Ну так я знаю, – смущённо кивает мужчина. – Теоретически. В школе когда-то учил. Но когда такие дела творятся, хочется лишний раз получить авторитетное подтверждение, что у нас всё нормально. Чем зря тревожиться, лучше сразу спросить.

– А он кто? – почти беззвучно спрашивает Юри у Светки. – Я, вроде, не в первый раз на Большом Собрании, а его не узнал.

– Так Шуман же. Мэр Ирали, Таисин напарник, – Светка шепчет ему прямо в ухо, так что Юри становится щекотно и горячо. – Ты серьёзно его не узнал?

– А, понятно, – кивает Юри. – Он же новенький, с лета работает. А я в последний раз на Большом Собрании был весной. Мэра Шумана только на фото в газете видел. Но он там совсем другой.

Таис Михайловна поворачивает к ним укоризненное лицо – дескать, нашли время шушукаться, ну молодёжь! Но вместо того, чтобы сделать им замечание, говорит:

– Тебе сейчас, конечно, надо бы выспаться. Такую работу сделал! В прошлый раз джинн, который закрыл Ворота, три дня потом валялся без сил. Вернее, валялась. Джинн, впервые закрывший Ворота, был женщиной, хоть и с мужским именем Валентин. Такая уж сто лет назад была мода: младших девчонок часто называли именем старшего брата, а мальчишек в честь старшей сестры, чтобы все дети в семье звались одинаково; тогда почему-то многим казалось, так красивей.

Так вот почему дедову тётку звали Альбертом! – думает Юри. – Я-то был уверен, это просто шутка, семейное прозвище, а как на самом деле, не догадался спросить.

– Главное ты нам уже рассказал, – говорит тем временем Таис Михайловна. – Хочешь домой? У меня водитель в машине дежурит, отвезём, ты только скажи.

– Я бы, если можно, остался, – отвечает Юри. – Всё равно же глаз не сомкну. Стану гадать, как всё теперь будет. Какая начнётся жизнь. Всё-таки Ворота не каждый день закрываются. За всю историю всего второй раз!

– Для нас мало что изменилось, – Таис Михайловна улыбается, но особо весёлой не выглядит, её выдают глаза. – Ворота Ирали – дорога только для спящих из Тьмы. А наши сиды могут ходить к соседям, как раньше, у них-то свои пути.

– А, ну тогда ладно, – зевает Юри. – Ворота, конечно, закрыл не я, а Ирали. Но всё равно здорово от тебя услышать, что я ничего особо ужасного не натворил.

Юри уже готов попроситься домой: что толку торчать на собрании, когда у тебя глаза закрываются и сладко кружится голова. Но тут до него наконец доходит смысл сказанного, и Юри подскакивает с дивана, забыв, что раздет.

– Погоди, если Ворота дорога для спящих, значит жители Тьмы больше не смогут увидеть Ирали во сне? Никто-никто? И тогда получается, все уходящие... Они, что, не смогут вернуться домой?

– Да, – кивает Таис Михайловна. – Вот это проблема. Ворота закрылись для всех.

– Но так нельзя! Они же – ну, наши. Не какие-то посторонние незнакомцы из Тьмы. У них здесь близкие, дом, работа, сады, обязательства, сбережения. У них здесь вся жизнь!

Юри так взволнован, что не говорит, а кричит. На это уходят последние силы, и он снова падает на диван. И, успокоившись поневоле – поди поори, когда на ногах не стоишь – добавляет: – Так значит надо снова открыть Ворота. Я попробую. Я постараюсь! Никогда о таком не слышал, но обязательно должен быть способ так пылать, чтобы Ворота открыть.

– Да нету такого способа, – вздыхает Таис Михайловна. – Ирали сам всё решает. При всём уважении к джиннам, вам его не переубедить. Но на твоём месте я бы тоже сразу об этом подумала. Невозможно сидеть, сложа руки, когда люди не могут вернуться домой.

– Вот именно! – подтверждает Юри, шмыгает носом и с ужасом понимает, что готов зареветь. Что за фигня? – возмущённо думает Юри. – Я же не младенец. И даже не школьник. Давным-давно взрослый. Мне уже двадцать лет!

– Ничего, – улыбается Таис Михайловна. – Мы справимся. Сиды всех приведут. Вернём их, не хипеши. – И просит Светку: – Ты всё равно с ним рядом сидишь, так чтобы мне далеко не тянуться, обними его за меня и – что ещё с такими хорошими делают? – а, вспомнила! Погладь по голове.

– А если он будет вырываться? – интересуется Светка. – Насилие применять?

– Естественно! – энергично кивает Таис Михайловна. – Куда он от нас с тобой сейчас денется. Бегать не может, драться – тем более. Максимум, уползёт под диван.

Это называется «разрядить обстановку». Некоторые из присутствующих смеются, а улыбаются, кажется, вообще все. Хотя им сейчас не до смеха. Почти у каждого среди близких есть хотя бы один уходящий – возлюбленный, друг, коллега, подопечный, наставник, или кто-то из членов семьи.

Светка, тем временем, обнимает Юри и ласково гладит по голове.

– Терпи, – щекотно шепчет она ему прямо в ухо. – Сам слышал, Таис велела. Не спорить же с ней.

– Будь моя воля, – честно признаётся ей Юри, – я бы такое насилие хоть до завтра терпел.

– Нормально всё будет, – говорит Таис Михайловна Юри и всем остальным. – Вот когда Ворота впервые закрылись, это и правда была катастрофа! Никто же не знал, что делать. Просто опыта не было. Действовали наощупь, методом проб и ошибок. Да и опасно было во время войны находиться во Тьме. Но всё равно тогда очень многих домой вернули. Сто сорок шесть человек.

– А сколько сейчас уходящих в Ирали? – спрашивает мэр Шуман. – Скольких нам надо вернуть?

Таис Михайловна морщит лоб, наконец признаётся:

– Точно не вспомню, чуть больше тысячи. Но многие из них сейчас дома, и с ними не будет проблем. Те, кто сейчас в Ирали, во Тьму за Ворота отсюда уже не вернуться. Ворота закрываются одновременно с обеих сторон.

Присутствующие переглядываются, наперебой говорят: «Ну надо же!» «Вот это отличная новость!» «Ого!» «А Карина сегодня дома?» «Так, узнаю сейчас». Несколько человек, не извинившись, высказывают в коридор. Таис Михайловна ужасно не любит, когда разводят бардак, но сейчас говорит оставшимся:

– Кому надо своим позвонить, вперёд. Потом мне расскажете. Всё равно первым делом надо составить список, кто дома, а кто во Тьме за Воротами, вот сейчас и начнём.

* * *

Телефон в кармане передника рычит и мяукает, это папин звонок. Нина отдаёт нож помощнику: «Всё, что в миске осталось, тонкой соломкой», – выходит на задний двор, достаёт телефон, отвечает: «Да, на работе, но всё нормально, могу говорить». Отвечает: «Да всё отлично, а как ещё у нас может быть?» Отвечает: «Нет, сегодня без Микаэлы. Ну как – куда

делась? Ушла. Да, во Тьму за Воротами; нет, не сегодня, вчера. Надеюсь, к ночи вернётся, потому что завтра у нас ужин районного братства электриков, и она мне тут позарез... что, папа? Я не расслышала. Как?!»

Нина ещё долго слушает папу, время от времени отвечает: «Да, конечно. Я тоже верю. Иначе не может быть. Ты сейчас один, или с дядей?.. А, понятно. Если твоё совещание до ночи закончится, ужинать к нам приходи». Наконец кладёт телефон обратно в карман поварского передника, садится прямо в траву и рыдает так горько, как не плакала даже в детстве, потому что в детстве ничего особо плохого с ней не случилось. Ну, упала, разбила коленку, поссорилась с другом, или новенький плащ порвала – довольно обидно, но не причина по-настоящему горевать.

И что Мика, сестричка иногда уходила во Тьму за Воротами, это тоже было не горе. Ну, подумаешь, с кем не бывает, ушла и пришла. Папа ей объяснил, что это нормально, некоторые люди рождаются уходящими, с ними трудно, зато у них интересная жизнь. И волноваться о них не надо, уходящие всегда возвращаются – это закон природы, правило, аксиома. До сих пор была аксиома. Была.

* * *

– А ты никому позвонить не хочешь? – спрашивает Светка. – Твой телефон наверное остался в кармане спецовки? Я к машине сбегаю, принесу?

– Спасибо, не надо, – улыбается Юри. – У меня как-то так получилось, что из всех знакомых уходящие только соседка и бывший тренер по плаванию, но у него я в детстве учился, давным-давно. А! И однажды, когда мы в школе учились, и я ещё не был джинном, познакомился в парке на танцах с девчонкой из квартала Дар-Дри, так она сразу расхвасталась, что уходящая, целых две жизни живёт. Но та история ничем не закончилась. Она даже не сказала мне свой телефон.

– Она что, внезапно дома во Тьме проснулась? – восхищается Светка. – Прямо во время танца ушла?

– Да нет же! – смеётся Юри. – Просто после танцев за ней ухажёр приехал на мотоцикле. Загорелый красавчик ростом до потолка.

– Подумаешь! – обиженно фыркает Светка, словно это её, а не Юри та девчонка отшила. – Приедь за мной хоть десяток загорелых красавчиков на мотоциклах, я бы тебе всё равно свой номер дала.

– Хорошо, я это запомню, – говорит Юри, закрывая глаза, потому что спать ему хочется невыносимо. – Джинны, конечно, не могут крутить романы; по-моему, это мы зря. Но ты учти, у моего деда призвание оказалось довольно короткое, в тридцать пять уже вышел в отставку, и понеслось – ух как он зажигал! Если я в него уродился, берегись, прохожу тебе не дам.

– Напугал ежа голой задницей, – улыбается Светка. Но Юри её не слышит. Он уже крепко спит.

* * *

– А что происходит с телом? – взволнованно спрашивает Таис Михайловну её коллега, Пётр Шуман, начинающий мэр.

– С каким телом?

– С телом уходящего, который больше никуда не уходит, а навсегда остаётся дома, у нас. Они же – ну, чисто технически – спят во Тьме за Воротами, пока здесь живут. И теперь, получается, будут спать вечно? До конца жизни? Летаргический сон? А если... ну, слушай, они там, за Воротами, странные. Вдруг кого-то похоронят живём?

– А, вот ты о чём, – кивает Таис Михайловна. – Да, это поначалу очень всех волновало, когда Ворота закрылись во время большой войны. Но оказалось, вообще не проблема. Тело исчезает из Тьмы; не знаю, как окружающие объясняют его исчезновение – сбежал? похитили? вместе с пальто и ботинками съел людоед? Но это уже не наша с тобой забота, пусть они там выкручиваются, как хотят. Главное, сам уходящий живёт потом дома до старости, или сколько ему отмерено, без каких-то особых проблем. У всех, кого тогда из Тьмы вывезли, была хорошая, долгая жизнь. Так что для людей это, знаешь, скорее везение, чем трагедия. Я на самом деле рада за них.

– Но две жизни всё-таки лучше одной, – неуверенно говорит мэр Шуман. – Или нет? У меня близкий друг уходящий, это я ему сейчас бегал звонить...

– Застал? – перебивает его Таис Михайловна. – Имя, фамилия? Я отмечаю в списке, кого из уходящих не надо из Тьмы забирать.

– Да, конечно. Ваня Гонзалес. Он дома, у него всё в порядке. Только после нашего разговора слегка беспокоится, не везут ли сейчас его хоронить. Я поэтому тебя про тело спросил.

– Можешь его успокоить, – улыбается Таис Михайловна. – В самом худшем случае, обратятся в полицию по поводу загадочного исчезновения, если найдётся, кому.

– У него там, вроде, семья большая; ладно, что делать, как-то переживут. Раньше, пока Ворота были открыты, я ему немного завидовал. Две жизни всё-таки. Разные. Целых две! Ваня мне много рассказывал о той, второй. По уму-то, особо завидовать нечему, лично я бы от такой жизни взвыл. Но интересно же – жуть! Во Тьме за Воротами всё совсем иначе устроено. Там и люди другие, и мир не такой, как Иррали, и в целом вся жизнь. На нашу ни капельки не похожа. Совсем!

– То-то и оно, – вздыхает Таис Михайловна. И помолчав, добавляет: – У нас, конечно, считается, что быть уходящим и жить сразу две жизни – хорошая, удивительная судьба. И это правильно: если уж уходящий таким родился и ничего изменить не может, пусть лучше думает, что ему повезло. Но ты-то не уходящий, и тебе я могу сказать откровенно: по-моему, нет ничего хорошего в том, чтобы время от времени становиться человеком из Тьмы. Я бы так не хотела. Рада, что не родилась уходящей. А вот кому я действительно с детства завидую, так это сидам.

– Завидуешь? Ты?!

– Ну, сейчас уже не особо, – смеётся Таис Михайловна. – А в юности – у-у-у-у! Они же, заразы такие, лучше всех устроились. Ходят во Тьму за Ворота, гуляют там, сколько захочется, видят странное и на зуб его пробуют, а себя не теряют. Всё помнят. Вот это действительно шикарная жизнь!

* * *

Мика просыпается от удара. То есть, на самом деле, никто её не ударил, ещё чего не хватало. Ей приснился этот удар. Как будто об стену стукнулась. Ну или не об стену, чёрт его разберёт. Мике больно, хотя на самом деле не больно. Боль – это просто сон.

Мало того, что наяву жизнь хоть вешайся, так ещё и снится всякая дрянь, – сердито думает Мика. Она сейчас, конечно, излишне драматизирует и сама это понимает. Нормальная жизнь, с чего бы вдруг вешаться. По сравнению с большинством знакомых, – думает Микаэла, – моя жизнь практически рай. Денег на всё хватает. И сын нормальный, не наркоман. И бывший муж не мудака, нормально с сыном общается, дарит гаджеты, забирает его на каникулы, учит чему-то там. И мама... ладно, не будем про маму. Главное, что жива.

Мика берёт телефон, смотрит время. Пять утра, господи, всего пять утра! Ещё два часа спать можно, – думает Мика. – Ай, нет, завтрак же надо ребёнку. Окей, полтора.

Мика сладко потягивается, укрывается с головой одеялом, закрывает глаза. Но заснуть, конечно, больше не может. Сердце до сих пор так колотится, словно чудом ушла от погони. Или наоборот, не ушла?

Проворочавшись час с боку на бок, Мика встаёт и идёт умываться. Ясно, что поспать уже не получится, так хоть соберусь раз в жизни спокойно, не второпях, – думает Мика, включая лампу над раковиной. Кто это?! А-а-а-а-а! – не кричит, а сдавленно стонет Мика, выскакивая из ванной. Даже сейчас, до полусмерти напуганная, она помнит, что ребёнка воплями нельзя будить. А потом так же беззвучно давится смехом, сообразив, что сама себя напугала. Над умывальником висит зеркало. Зеркало! А вовсе не вход в населённый демонами и чудовищами фантастический мир, – говорит себе Микаэла. И безжалостно добавляет: – Просто я очень некрасиво старею. Что вполне неизбежно с таким мясистым лицом.

* * *

Юри спит и слышит сквозь сон голос Таис Михайловны и другие знакомые и незнакомые голоса. Они говорят: «Завтра у нас будет полный список». Они говорят: «Работа для сидов». Они говорят: «Через два часа». Они говорят: «Он дома, в порядке, просто крепко после дежурства спал». Они говорят: «Тромбонист из шкафа». Они говорят: «И Большого Эла жена». Они говорят: «Проблема, что разные города». Они говорят: «Не проблема». Они говорят: «Грузовик», – Юри даже во сне узнаёт голос соседа дяди Георгия и бормочет, едва ворочая языком: «Завтра доделаю, там работы осталось максимум на два часа». Дядя Георгий, или кто-то похожий укрывает его вторым одеялом, говорит: «Я и не сомневаюсь, ты спи давай».

Юри долго просить не надо, он опять засыпает, вернее, проваливается в сон, как в бездонную пропасть, но не страшную, а сладкую, родную, знакомую. Это похоже не на падение, а на счастливый неспешный полёт.

Юри падает в сон, как в пропасть и слышит сквозь пропасть-сон голос Таис Михайловны: «Все, кому снится Ирали, должны вернуться домой».

* * *

Ева обычно курит немного – утром одна сигарета за кофе, ещё одна за работой, ради паузы, во время которой отстранённо, как бы чужими глазами смотришь на холст; иногда, если есть настроение, вечером после ужина, под вино. Но сейчас ещё нет полудня, а это уже шестая, Ева курит буквально одну за другой. Теперь понятно, – равнодушно думает Ева, – почему с курением так в последние годы борются: оно делает жизнь выносимой. А выносимой жизни нам тут не положено, не заслужили, плохо себя вели.

Ничего не случилось. Нет, правда, ничего не случилось, отлично идут дела: галеристка звонила, продала три картины; в новостях написали, что комендантского часа не будет; пришла наконец посылка с новенькой зимней паркой, и она подошла. Всё хорошо, – говорит себе Ева, – не ной, малахольная, незачем бога гневить.

Только и горя, что во тьме под закрытыми веками по утрам больше не бывает картин – ни незнакомых любимых лиц, ни нездешних пейзажей, ни натюрмортов со странными овощами, похожими на тропических птиц. Только какие-то чёрточки, звёздочки, точки, расплывчатый фейерверк; вроде, «фосфены» оно называется, или как-то похоже, это бывает у всех. Но это не повод впадать в уныние, – говорит себе Ева, – ты давай, дорогая, держись. Раньше были чудесные утренние видения, ну и скажи спасибо за роскошный подарок, с чего ты взяла, что так будет всю жизнь?

А может быть, просто возраст? – думает Ева. – Приближается климакс? Давай посмотрим правде в глаза, дорогая, пора. Нормальные тётки больше рожать не могут, а у художниц он проявляется так?

От этих мыслей Еве окончательно становится тошно. Почему сразу возраст и климакс? Человек – не только физиология. Люди сложнее устроены; уж я-то – точно сложнее. Не спеши обесценивать чудо, даже если оно катастрофа, – говорит себе Ева. – Кроме так называемых «очевидных» может быть куча других причин. Лучше быть растерянной дурой, чем несчастной, всё правильно понимающей умницей, мне ли не знать.

Может, я запрет какой-нибудь тайный нарушила? – думает Ева. – Совершила нечаянно смертный грех? Не дала денег нищенке? Оскорбила кого-нибудь в интернете? С соседкой не поздоровалась? Съела в гостях колбасу? Чем угодно можно прогневать высшие силы, они у нас нервные, и их можно понять. А может, просто Земля вошла в какой-нибудь коридор затмений? Ну или не Земля. Кто-то зачем-то вошёл в коридор затмений, а я типа крайняя, отдувайся теперь за всех, – говорит себе Ева и почти помимо воли смеётся: ну я и дурища! Ну сочинила! Коридор затмений! Колбаса! Смертный грех!

Ева гасит седьмую уже сигарету и подходит к холсту – даже не серому, цвета отсутствия цвета, испещрённому мелкими бледными точками, пятнами, кляксами; если долго смотреть, не моргая, кажется, что они начинают дёргаться и мельтешить.

Ева, никуда не денешься, реалист. Поэтому лишившись своих чудесных видений, она рисует их отсутствие. Наступившую невозможность картин под закрытыми веками. Невыносимую пустоту.

Никуда не годится, – говорит себе Ева, глядя на бледные пятна. – Цвет я, вроде, поймала. Но это должна быть не грязь, а свет.

* * *

– Полный список застрывших во Тьме за Воротами готов и дважды перепроверен, – говорит Таис Михайловна. – Имена, фамилии, прозвища, тамошние адреса, информация о семье, работе, привычках; словом, всё, что я за сутки смогла разузнать. На самом деле, не очень страшная цифра, я думала, будет больше. Их двести девяносто четыре. В ста восьми городах.

– Хренассе «не очень страшная»! – подаёт голос Георгий. – Что у тебя тогда страшное, мать?

– Из тысяча восемнадцати, – напоминает Таис Михайловна. – Могло быть гораздо хуже, я это хочу сказать.

– Это да, – вздыхает Георгий. – Что бы ни случилось во Тьме за Воротами, всегда выясняется, что могло быть гораздо хуже. На то и Тьма.

– Сидов сейчас, сама знаешь, мало, – говорит Даха. – Со мной сорок пять. Мы-то, конечно, ходим столько раз, сколько надо, это не обсуждается. Но тем, кто застрял за Воротами, не позавидуешь. Некоторым очень долго придётся ждать.

У Дахи рыжие косы вокруг головы короной и такие же рыжие брови вразлёт, круглое лицо совсем юной девчонки, тёплая как южный ветер улыбка и самый тяжёлый в Ирали взгляд. Даха – Опора сидов, что-то среднее между профсоюзным лидером, верховной жрицей и всеобщей старшей сестрой. У сидов вообще-то нет иерархии, какая может быть иерархия у вольных бродяг. Но опора нужна даже сидам; собственно, в первую очередь им. Помощь, совет, утешение, информация, комната с завтраком, чтобы чёрную полосу переждать, дружеские объятия, сила, или подсказка, где её взять. А что нужно, то всегда появляется, поэтому среди сидов в любом поколении непременно находится тот, кто захочет и сможет стать всем опорой. Сейчас это Даха, а перед ней очень долго был Бессмертный Люсьен. На самом деле он в итоге всё-таки умер, но перед этим прожил лет пятьсот; ну, с сидами ещё и не такое бывает. Они всё-

таки очень странные. Причём обычно никто из них сам не знает заранее, какой сюрприз завтра преподнесёт.

– Долго ждать лучше, чем никогда не дожидаться, – отвечает Таис Михайловна. – А вернуть домой из Тьмы хоть полсотни пропавших лучше, чем не вернуть никого.

– Да это понятно, – нетерпеливо кивает Даха. – Дядя Люсьен примерно то же самое говорил, когда рассказывал, как было, когда закрылись Ворота из-за большой войны. Он тогда из Тьмы восьмерых самолично вытащил. И другие сиды примерно по столько же. Но многих забрать не успели. Триста четырнадцать человек. Просто на большой войне люди гибнут гораздо быстрее, чем успеваешь их уводить.

– Ну, в этом смысле сейчас полегче, – улыбается Таис Михайловна. – Счастливики мы. И уходящие наши в шёлковых рубашках с драгоценными запонками родились. Нынче бомбы во Тьме не падают, на улицах не стреляют, даже не дерутся особо, спокойная тихая жизнь. Лишь бы никто прежде времени от тоски не повесился, утратив свой подлинный смысл. Но наши уходящие – люди крепкие. Как-нибудь и без смысла до прихода подмоги продержатся, я верю в них. Короче, что толку гадать заранее, скольких мы успеем спасти. Действуйте, и пусть пламя Ирала сделает лёгкими ваши пути. – И добавляет, стукнув в сердцах кулаком по колену так сильно, что к вечеру будет синяк: – Как же досадно, что сидом можно только родиться, а научиться, хоть тресни, нельзя! Что это нечестно, как всякая лотерея – ладно, можно как-нибудь пережить. Худо, что не получится набрать добровольцев и по-быстрому их обучить.

Это правда. Сидами не становятся, а рождаются, и повлиять на это человеческой волей нельзя. Известно, что сиды рождаются только в тех семьях, где есть уходящие, но даже с этим полной ясности нет. Считается, будто у любой уходящей матери ребёнок обязательно станет сидом, но для проверки этого правила не хватает живых примеров: уходящие женщины за редчайшими исключениями остаются бездетными в обеих жизнях – и здесь, и во Тьме. У уходящих мужчин дети появляются чаще, но обычно не сиды, а такие же люди, как все. Однако потом, через несколько поколений у их потомков вполне может родиться сид. Известны отдельные случаи, когда сиды рождались не у самого уходящего, а у его брата, или сестры. В общем, всё сложно с сидами, заранее не угадаешь; недаром, когда в семье уходящего ждут ребёнка, особо азартные друзья и соседи бестактно заключают пари.

– Досадно – не то слово! – подхватывает Даха. – Сама часто об этом думаю. Сидов никогда много не было, но чтобы как сейчас, меньше полусотни – не дело совсем. То ли мы в последнее время что-то не то из Тьмы в Ирала приносим, то ли свои пути некрасиво прокладываем, то ли просто случайно так вышло, поди пойми.

– Случайностей не бывает, – говорит ей Георгий. – Но дело не в том, что мы, сами того не ведая, натворили каких-то бед. Просто такая уж сейчас у нашего мира интенция – центробежная. Ирала постепенно удаляется от Тьмы за Воротами, связи с соседями рушатся, сиды становятся не особо нужны. Нормальное развитие ситуации. Наш мир уже давно овеществляется силой пламени джиннов. Можем себе позволить окончательно отделиться от породившей нас Тьмы.

Если уж Георгий в кои-то веки что-то решил объяснить, его надо внимательно слушать. Сиды достоинствами не меряются, но если спросить, любой из них скажет: «Георгий у нас круче всех». Потому что Георгий, во-первых, учёный, профессор кафедры Физики Тьмы, что само по себе достижение, а для сида – вообще немыслимое. Дело не в том, что сиды глупее других, просто они непоседы, ходят во Тьму за Воротами и обратно в основном развлечения ради, чтобы стало ещё интереснее жить. Какая там диссертация, они и школу-то не всегда успевают закончить и нигде потом не работают, потому что сид – это и есть профессия, образ жизни, собственно жизнь. Но Георгий как-то всё успевает. У него, что для сида дело совершенно немыслимое, есть не только научная работа на кафедре, но даже жена, дом и сад. При этом во Тьму за Воротами он ходит почти так же часто, как остальные, правда, не столько в

поисках приключений, сколько ради тамошних книг. Вернее, не ходит, а ездит: Георгию единственному за всю историю сидов Ирали однажды удалось пригнать из Тьмы грузовик. Сказал, затем и нужна наука, чтобы её применять на практике; это как раз была тема его докторской диссертации – как подчинить человеческой воле большую массу неживой материи Тьмы. С тех пор прошло уже лет пятнадцать, а Георгий по-прежнему гоняет во Тьму за Ворота, как перевозчик в дальний квартал. Правда месяц назад, грузовик сломался, но Юри вроде обещал его починить.

В общем, все замирают в ожидании продолжения. Но Георгий неожиданно заключает:

– Ну, это сейчас неважно, не для того собрались. Я только затем сказал, чтобы ты не изводилась, гадая, что мы делаем не так.

– Ладно, – улыбается Даха, – изводиться не буду. Давайте решим, с чего начинать.

– Начинать лучше с того, что попроще. Лёгкий успех на старте совершенно точно не повредит, – говорит Георгий.

– «Попроще»? – хмурится Таис Михайловна. – Ну так проще всего вообще никуда не ходить.

– Так вопрос не стоит, – смеётся Георгий. – Ну ты чего? Просто у каждого из нас есть свои любимые тропы, на которых никогда не бывает проблем – вроде моей старой библиотечной дороги, или шоссе с диковинным именем «Е двадцать восемь», куда по привычке всегда выезжает мой грузовик.

Все сиды согласно кивают. Любимые тропы никогда не подводят, даже если ты не в силе и не в настроении, а такое бывает с любим. Проложить новый маршрут потенциально способен, в принципе, каждый, но не всегда, а только в момент высокого вдохновения. Но сейчас-то не та ситуация, чтобы сидеть и ждать, пока наступит такой момент.

– С них и начнём, – заключает Георгий. – А потом посмотрим, какие ещё города остались в Таисином списке, и прикинем, как туда добираться. Теоретически, ничего невозможного нет. Не вся территория Тьмы открыта для сидов Ирали, но туда, где есть кто-то из наших, мы точно как-нибудь да пройдем. Так что давайте делить территорию. Сверим свои маршруты со списком и прикинем, кто за кем может прямо сейчас пойти.

– Это правильно, – соглашается Даха. – Хороший подход. Но есть кое-что поважнее.

– Важнее маршрутов? Что?!

– Во Тьме уходящие ничего не помнят о доме; в лучшем случае, какие-то отдельные эпизоды, да и то уверены, что это всего лишь сны.

– Ну естественно, они ни черта там не помнят, – перебивает её Георгий. – Но дома вспомнят, как миленькие; по крайней мере, все до сих пор вспоминали, когда их приводили из Тьмы.

– Дома-то вспомнят. Но домой ещё надо прийти. А предложение незнакомца срочно всё бросить и вернуться домой, мягко говоря, не вызовет энтузиазма у нормального человека из Тьмы. Дядя Люсьен как-то раз мне сказал, что провести уходящего из Тьмы в Ирали не проблема, проблема – уговорить.

– Вот я тоже об этом думаю, – подхватывает Исайя. – Как их уговаривать? Они же слушать не станут, сразу пошлют подальше. И что тогда? Я не сторонник насилия, но единственное, что мне приходит в голову – оглушить, усыпить, на худой конец, напоить. Как ты думаешь? – он вопросительно смотрит на Таис Михайловну. Так вообще можно с людьми поступать?

– Да чего меня спрашивать, – хохочет Таис Михайловна. – Я всегда за насилие! Только учти, жертва может и сдачи дать.

Исайя смущённо разводит руками – дескать, сам понимаю, что драчун из меня так себе. Исайя в свои почти сорок лет выглядит как подросток: в нём роста чуть больше полутора метров и веса хорошо если полсотни кило.

– Так вот, – говорит Даха. – Есть пара приёмов, которые в прошлый раз многим жизни спасли. Во-первых, хлеб и вино. Не ко всем, но ко многим возвращается память о доме, если

дать им наших вина, или хлеба. Сыр, колбаса, конфеты и прочее, вроде, не помогают. И крепкая выпивка – тоже не то.

– Отлично! – радуется Исаяя. – Так уже проще. Выпить я кого угодно уговорю!

– Ещё украшения, – продолжает Даха. – Особенно кольца; понятно, что не какие попало, а только те, которые человек здесь носил. Дядя Люсьен говорил, ещё нательное бельё отлично работает, но поди уговори кого-то надеть непонятно откуда взявшиеся застиранные трусы! В общем, с бельём, по-моему, нет смысла возиться, а вот кольцо стоит попросить у родни. Но лучше всего получается, когда за уходящим во Тьму приходит кто-то знакомый; в идеале – родственник, или друг. Поэтому, у кого есть знакомые среди уходящих, застрывших во Тьме, идите за ними сами, так будет верней.

– Бесценная информация, – одобрительно кивает Георгий. – Почему ты раньше мне не?..

– Ну так ты не спрашивал. Да и с чего бы. Кто вообще мог подумать, что байки дяди Люсьена о далёкой войне на нашем веку снова станут полезными практическими инструкциями? Счастье, что он в последние годы стал такой разговорчивый. И часто ужинать к нам с отцом приходил.

* * *

– Ева говорила, что во Тьме ничего обо мне не помнит. Даже намёка! – Эл чуть не плачет, или даже не «чуть». – Но правда, замуж не выходила, хотя её звали. Говорит, всегда объясняла себе, что семья мешает художнику, поэтому ей не надо. Но на самом деле, она так не думала. Лично знала множество исключений. Просто чувствовала какой-то необъяснимый внутренний запрет. Как думаешь, это считается? Или нет?

– Да точно считается, – утешает его сосед Георгий. – Это даже больше, чем просто память – такой необъяснимый запрет. Сам знаешь, обычно уходящие живут во Тьме так, словно у них другой жизни нет. И замуж преспокойно выходят, и женятся; некоторые даже скучают по тамошним близким, пока находятся здесь. Ева тебя во Тьме не помнит, но любит. По-моему, это гораздо круче, чем наоборот.

– Ты так думаешь? Ну, хорошо, – Эл почти улыбается. – Ладно, сейчас принесу её кольца...

– Все не надо. Достаточно одного. А домашнее вино у тебя осталось? Или мы с вами за лето выпили всё?

– Прошлогоднее выпили. Но уже есть нового урожая. Молодое же подойдёт?

– Да конечно. Там же дело не в возрасте, а в том, что оно – вино. Я собирался в лавке купить, но решил сэкономить, – смеётся Георгий.

– Думаешь, поможет, что мы с Евой вместе виноград собирали? – спрашивает Эл.

– Именно так и думаю. Всё ей поможет. И что вы вместе виноград собирали, и что сосед на ночь глядя заявился с бутылкой, и кольцо, которое здесь на пальце носила, и что лоза обвиняет ваш дом.

* * *

Стив идёт домой по бульвару, усталый как чёрт, страшно довольный собой, то есть, тем, как сыграл на записи, но недовольный всем остальным, начиная с того, что пришлось сдавать какие-то сраные тесты – чтобы просто пройти в помещение студии, ну зашибись! – и заканчивая тем, что по-прежнему снится какая-то пакость. Ну или ладно, не пакость, обычные сны, путаные и рваные, хотя неделю ни капли не пил. Стив уже почти всерьёз начинает думать: может я зря тогда Чанки про сны рассказал? Может, это такое правило, как в детских сказках

бывает – если герой разболтает тайну, чудеса закончатся навсегда. Кто же знал, что сказки надо читать как инструкцию. Кто же знал, вот блин, кто же знал.

Ладно, – думает Стив, – хрен с ними, со снами и сказками, играл я сегодня отлично. Битовски очень доволен, это даже мне было видно. И про планы на лето он меня явно не просто так спросил.

Стив идёт домой и видит в конце бульвара какое-то столпотворение. Ну, то есть, по нынешним временам это – столпотворение, примерно дюжина человек. Из толпы доносится смех и, кажется, музыка. Или это не музыка? Какой-то странный хриплый и одновременно высокий тягучий звук.

Стив подходит поближе и видит, что в центре толпы стоит здоровенный сундук, мигает разноцветными лампочками, издаёт протяжные стоны – так вот откуда тот звук! – а вокруг скачет мальчишка в костюме клоуна. Под гримом не видно лица, но явно слишком мелкий и тощий для взрослого; молодец, короче, пацан. Клоун кривляется, шутит, развлекает толпу анекдотами, обещает показать супер-фокус с исчезновением и предлагает всем, кто хочет исчезнуть навеки, немедленно лезть в сундук. Зрители смеются, двое пьяных приятелей подзуживают друг друга – сам говорил, что всё задолбал, хоть вешайся, это твой шанс, давай уже, лезь. В общем, все ждут, что кто-то другой полезет в сундук и станет посмешищем, но желающих пока нет.

Надо же, – умилённо думает Стив, – уличный артист на бульваре, как в старые времена. Надеюсь, никто не наступит на мальчишку в полицию, сейчас же, вроде, такое нельзя. Или на улице можно? Да хрен разберёт эти новые правила, они ещё и меняются чуть ли не раз в три дня.

Даже жалко, – думает Стив, – что я в длинном пальто и с тромбоном. Ух я бы в этот сундук залез! Давно я не делал глупостей, вот в чём моя беда. Ну и мальчишке надо помочь с представлением, застряло действие, ни туда, ни сюда.

То ли увидев, то ли просто почувствовав его заинтересованный взгляд, мальчишка-клоун кидается к Стиву, хватая за руку, кричит восторженно: «О, да ты музыкант! Ты нам сыграешь? Пожалуйста! Что мне в сундук накидают, поделим тогда пополам!»

Стиву совершенно не хочется играть на улице, он бы лучше залез в сундук. Вечер холодный и ветреный, он устал, как собака, какое «сыграешь», в задницу, наигрался уже на записи по самое не могу. Но мальчишка так отчаянно смотрит, словно речь о жизни и смерти, а не об уличном представлении, о котором зеваки забудут уже через час. Где-то я его видел, – думает Стив. – Может, живёт по соседству? Или мне только кажется? Лица-то под клоунским гримом не разглядеть.

– Я тебя знаю? – спрашивает он мальчишку.

– Бинго! – смеётся тот.

– Серьёзно, знаю? – удивляется Стив. – Ты кто?

– Если сыграешь, скажу, – обещает мальчишка. – Ну пожалуйста! Много не надо. Мне и пол-ноты достаточно. Просто один раз дунь в трубу.

– Сам ты труба, – привычно огрызается Стив. – Не валяй дурака, ты же ходил в музыкальную школу, а зачем-то прикидываешься, будто тромбон от трубы не можешь отличить.

На этом месте он озадаченно умолкает. В какую музыкальную школу? С чего я взял? Я же не знаю, кто он. Зачем я это сказал?

Зрители смотрят на них с интересом, в полной уверенности, что Стив тоже актёр, и играет роль в представлении; пока непонятно, в каком месте надо смеяться, но уже интересно, чем дело закончится, в чём тут вообще соль.

Стиву очень нравится внимание публики; он всё-таки прежде всего артист, а уже потом музыкант. Всегда любил играть в небольших залах и в клубах, потому что там получается настоящий близкий контакт со слушателями, и от этого – самый кайф. Короче, Стив только

сейчас, на бульваре понимает, как на самом деле истосковался по клубной сцене; я же, – думает он, – с начала весны, скоро год, больше вечности на публике не играл.

– Чёрт с тобой, ладно, – Стив достаёт тромбон из футляра и подносит к губам.

– Выпей глоток, чтобы веселее игралось! – мальчишка сует Стиву в руку стакан с – ну, предположим, белым, возможно даже, вином. Жидкость кажется золотисто-зелёной в свете уличных фонарей и мигающих ламп сундука.

– Да ну, не хочу, заberi, – говорит ему Стив, но стакан почему-то берёт и нюхает. Ну ни хрена себе, – думает он. – Откуда такое вино у мальчишки-клоуна? Оно же наверное бешеных денег стоит. Божественный аромат.

Стив, наверное, всё-таки пьёт, но это не точно. Влага совсем не похожа на влагу, вкус вина – это не вкус, не вина. Но он, вероятно, всё-таки делает какой-то аналог глотка; короче, маленький клоун забирает пустой стакан, Стив подносит к губам тромбон, вдыхает и выдыхает. Он играет, наверное, он играет, хотя не играет, как только что пил вино, но не пил вина.

Зрители слушают музыку, не шевелясь, затаив дыхание, только один мужчина в полосатом пальто важно говорит своей спутнице: «Да, что-то в этом есть», – а она отвечает: «Интересно, как он это делает? Вроде, не запись, но при этом тромбон звучит, как целый большой оркестр».

Так это же сон! – наконец доходит до Стива. – Примерно так и бывает, когда пьёшь и играешь во сне. Это я, получается, так устал, что не вышел из студии? Где-то в кресле там прикорнул?

Только бы сейчас не проснуться, – думает Стив. – Было бы жалко не досмотреть, чем наше с Исайей выступление кончится. Как нам все будут хлопать, сколько денег в сундук накидают, и как весело мы их пропьём.

– Не спи, не проснёшься! Чтобы проснуться, надо сперва уснуть! – хохочет Исайя, который сейчас выглядит вырядившимся для карнавала школьником, так его преобразили дурацкий клоунский грим и костюм.

– Знал бы ты, как я соскучился, – шепчет Стиву Исайя. – А ты зашибись крутой! Во Тьме играешь не хуже, чем дома в «Чёрном Шкафу». Я-то думал, ты тут – жалкий халтурщик, как они все. Был неправ, с меня причитается, сам придумал, сколько и что.

В этом гриме, – думает Стив (он играет и не может ответить), – ты выглядишь, как малолетний дурак. И сундук у тебя дурацкий. И шутки дурацкие. Сам ты халтурщик, зараза мелкая. Это с меня причитается. Знал бы ты, как я рад.

– Ладно, хватит играть на холоде, – наконец говорит Исайя. – С Тьмой ты красиво сейчас попрощался, будет, что в старости вспомнить. Давай полезай в сундук.

Люди, собравшиеся на бульваре, смотрят, как маленький клоун и удивительный музыкант залезают в огромный сундук, мигающий разноцветными лампами, закрывается крышка, раздаётся громкий хлопок, словно кто-то открыл шампанское, мир взрывается фейерверком, то есть, мир-то как раз не взрывается. Только чёртов сундук рассыпается разноцветными звёздами, огненными спиралями, кляксами, искрами. И больше нет ничего.

Зрители взрываются аплодисментами – вот это да! Хотя аплодировать, строго говоря, уже некому – нет ни клоуна, ни музыканта, ни сундука, ни даже гильз, оставшихся от фейерверка. Ну и дела!

«В этом что-то есть», – растерянно повторяет мужчина в полосатом пальто, а спутница ему объясняет: «Это наверное был какой-нибудь виртуальный театр три-дэ, новые технологии, экспериментальное представление, нам повезло».

* * *

Таис Михайловна отставляет в сторону надоевший кальян. Всё-таки хуже нет, чем сидеть на месте и ждать. В этот момент в кабинет врывается секретарь. Он говорит; на самом деле, он вопит дурным голосом, но с учётом сложившихся обстоятельств, будем считать, говорит:

– Ещё четверо! Лиза Марони! Стивен из «Чёрного Шкафа»! Булочник Иннокентий! Анна Сосна!

– Значит, уже девятнадцать, – невозмутимо кивает Таис Михайловна и делает соответствующие пометки в блокноте. – Капля в море, но с учётом того, что начали только к вечеру, нормально вполне.

Секретарь энергично кивает и убегает. Оставшись одна, Таис Михайловна подходит к распахнутому окну и говорит так тихо, что даже сама свой голос не слышит:

– Спасибо тебе, Ирали, что у нас получается. Спасибо, что ты принимаешь тех, кого отпустила Тьма.

* * *

– Ещё пару лет нормально поездишь, – говорит Юри соседу Георгию, отдавая ему грузовик. – А потом... Ну, посмотрим. Придумаю что-нибудь. Или ты сам придумашь, как привезти на замену новое сцепление из Тьмы.

– Три раза уже пытался, прикинь, – вздыхает Георгий. – Исчезает, зараза, и хоть ты что. Грузовик целиком я когда-то пригнал сюда с первой попытки, а одну деталь – не могу. Зато, будешь смеяться, пирожные – запросто. Ларка как-то раз захотела попробовать еду из Тьмы, я был уверен, что ничего не получится, но на всякий случай купил ей коробку миндальных меренг, положил на сидение и провёз без проблем. Чокнуться можно с этой непознаваемой Тьмой! А с тамошними книгами знаешь, как интересно? У-у-у! Новую, хоть застрелись, к нам не пронесёшь, в момент перехода исчезнет. Но стоит вырвать хотя бы одну страницу, и всё нормально, хоть ящиками вози.

– Ух ты! – восхищается Юри. – Я про книги не знал. А как ты догадался, что надо вырвать страницу? По какой-нибудь формуле рассчитал?

– Да ладно тебе, – смеётся Георгий. – Не настолько я пока умный, чтобы на все случаи формулы знать. Рвать книги не я придумал, а кто-то из первых сидов, это очень старый секрет.

– А если во Тьме поменять сцепление? – осеняет Юри. – Если прямо там твой грузовик починить?

– Да я тоже об этом думал. Считал, прикидывал так и сяк. Шансы есть, но как всё у нас, без гарантий. А мне пока не особо хочется проверять, что бывает с водителем, когда у него в самый момент перехода ломается грузовик. Проще уж сразу пригнать из Тьмы новый и не морочиться; я бы любому из наших посоветовал так поступить. Но сам не могу. Этот старик – не просто машина, а мой боевой товарищ. Столько раз вместе мотались во Тьму за Ворота! Я к нему привязался почти как к живому. Привык.

– Понимаю, – кивает Юри. – У меня то же самое с самокатом. Дед когда-то мне свой подарил. Он уже тогда был не новый, а я, пока в школе учился, на нём каждый день с утра до ночи гонял. И сейчас иногда катаюсь. Бедняга уже от старости рассыпается, но я после каждой поломки снова его чиню. Хотя сам понимаешь, самокат – не машина, проще простого новый купить... Ладно, тогда пару лет катайся спокойно, а потом даже если будет ездить нормально, всё равно мне его покажи.

– По сравнению с «ничего не поделаешь», как мне говорили все мастера, пара лет это практически вечность, – улыбается Георгий. – Спасибо, ты меня очень выручил. И не только меня.

– Ты же на нём наших из Тьмы будешь домой привозить? – оживляется Юри. – Вот это отлично! Я так рад, что помог. А то у меня, понимаешь, сердце теперь не на месте. Всё-таки это не кто-то, а я Ворота закрыл.

– Ай, да не выдумывай! – хмурится Георгий. – Во-первых, Ворота закрыл Ирали. При всём уважении, это не ты решил. Вот смотри: без бензина я никуда не уеду, как Ирали без пламени джиннов. Но из этого вовсе не следует, что маршруты мне выбирает бензин.

Юри кивает, но без особого энтузиазма. Это утешение в разнообразных формах он слышал уже раз сто. Но сердце всё равно не на месте, ему разговоры не помогают. Дурное совсем оно.

– А во-вторых, – добавляет Георгий, – знаешь, может, оно и к лучшему. Все, кто остался в Ирали, когда закрылись Ворота, страшно рады, что можно больше отсюда не уходить.

– Серьёзно, рады? – удивляется Юри. – Я был уверен, они горюют: всё-таки было две жизни, а осталась всего одна.

– По крайней мере, я недовольных пока не видел. Никому своей второй жизни не жалко. Ну её в пень, больше нет, и не надо. А какие у них там во Тьме остались любви, дела и богатства, даже вспоминать не хотят. Я-то думал, уходящим жизнь во Тьме за Воротами нравится; по-моему, все так думали. А по душам я ни с кем из них об этом не говорил... В общем, передай своему сердцу, чтобы дурака не валяло. Ворота, конечно, закрыл не ты, а Ирали. Но куче народу от этого хорошо.

* * *

По бульвару навстречу Мике идут две женщины, улыбаются, разговаривают – о чём, отсюда не разобрать. Мика внимательно смотрит на женщин: что-то с ними не так. Что не так? Наконец понимает: да они же без масок. Обе. Идут по бульвару, как ни в чём не бывало, с открытыми лицами. Но без масок нельзя. Нельзя!

Мика думает: они же закон нарушают. Почему они не боятся? Дышат, смеются. Я тоже хочу нормально дышать. Чем я хуже? Почему им можно, а мне нельзя?

Да потому и можно, что не боятся, – думает Мика, и сама удивляется силе собственной ненависти. Даже к бывшему мужу такой не испытывала, когда он фотографии с новыми девушками выкладывал в свой фейсбук. Наглые твари! – думает Мика. – Идут по городу, как хозяйки, с мордами напоказ, дышат, хихикают, даже не озираются по сторонам, не боятся, что полицейский увидит, как они нарушают правила, и выпишет штраф. Денег у них, что ли, немеряно? Миллионерши? Жёны начальников? Или сами работают в мэрии? Или просто в полиции блат?

А вот сейчас и проверим, – злорадно думает Мика и оглядывается по сторонам. Где полиция? Должна быть полиция, чтобы всех проверять! Но полиции поблизости нет, поэтому Мика достаёт телефон и фотографирует наглых крашенных сучек. Хотя вообще-то не крашенных; ладно, неважно, какие есть. Отправлю в полицию фотографии, – думает Мика. – Пусть их разыщут и оштрафуют. Так им и надо, пусть знают. Пусть носят маски, пусть задыхаются, пусть боятся, пусть мучаются, пусть не думают, что они лучше всех.

Тем временем, женщины проходят мимо, продолжая беспечно болтать; до Мики доносится обрывок фразы: «небесного света», – особого смысла в нём нет, мало ли, кто о чём щебечет с подружкой, обычные бабские разговоры, например, о стихах, но услышав про свет небесный, Мика зачем-то садится на обледеневшую лавку и начинает рыдать. Плачет так долго, что успевает стемнеть. Наконец, успокоившись – поневоле, просто слёзы и силы закончились – Мика встаёт, машинально вытирает лицо сбившейся набок маской, выбрасывает её в урну

и пошатываясь, как пьяная, куда-то бредёт. Впрочем, внутренний навигатор понемногу разворачивает Мику в сторону дома; он молодец. У неё там корова не доена, в смысле, страшная куча дел. Надо проверить, сделал ли сын уроки, вымыть ванную и приготовить обед. Ну или, – с несвойственным ей легкомыслием думает Мика, – заказать себе суши, а Тошке пиццу и выбрать кино, которое нам обоим будет одинаково интересно смотреть.

Ночью, перед тем как заснуть, Мика достаёт телефон и долго смотрит на фотографию. Вместо лиц там, конечно, бледные кляксы, телефон уже старенький, камера в сумерках не берёт. Так себе получилась улика, – думает Мика, вспоминая, как на полном серьёзе собиралась заявлять на весёлых тёток в полицию; ей сейчас даже не то чтобы стыдно, просто жалко себя и весь мир, и немножко смешно.

* * *

Проводила Анну до самого дома, нельзя в таком состоянии человека на полдороге бросать. Девчонка, вернувшись в Ирали и вспомнив себя, так рыдала от счастья и потрясения, что дороги не видела; её, в общем, можно понять. Даха, вроде, железная, и нервы у неё как канаты, сидам иначе нельзя, но сама чуть за компанию не расплакалась, особенно когда из подъезда навстречу Анне выскочили счастливые мама и брат. Решительно отказалась от угощения, сказав, что устала, как сотня погасших джиннов, и не то чтобы соврала, но всё равно пошла от них не домой, а к Рахмету, в маленький бар без вывески на углу Туманной и Золотой. У Дахи там, можно сказать, общественная приёмная, в смысле, все, кому надо, знают, что её там между десятью и полуночью не ежедневно, но достаточно часто можно застать. А сейчас как раз половина одиннадцатого; в общем, если кому-то припекло повидаться, надо ему такую возможность дать, – думает Даха, сворачивая на Золотую. По дороге набирает Арона, на котором в отцовском доме всё держится, говорит: «Когда папа вернётся, передай, что у меня всё в порядке, пришла, скоро лягу спать». Обычно за сидов никто особо не переживает, даже любовники и родители – бессмысленно беспокоиться о тех, у кого настолько удивительная судьба. Но Дахин отец тоже сид, и ему в этом смысле непросто. Поди не начни волноваться о дочке, когда на собственном опыте знаешь, какие опасности бывают во Тьме за Воротами, и сам, вроде, умный, умелый и опытный, пару раз натурально чудом там уцелел.

Даха – Опора сидов, поэтому знает, кого каким способом можно поддержать и утешить. В частности, папу – только отчётами после каждой вылазки за Ворота: «Я вернулась, со мной всё в порядке». Такой детский сад. Ладно, ничего не поделаешь, надо, так надо; Дахе не трудно, ей даже нравится, что они с отцом такие смешные. В конце концов, ещё никто за всю историю так не влипал. Два сида в семье – огромная редкость, почти невозможное совпадение, но у них получилось – вот так.

* * *

Рахмет на радостях перелетает через стойку каким-то причудливым кувырком и заключает Даху в объятия:

– Рыжая! Ты пришла! Я как узнал про Ворота, подумал, что долго теперь тебя не увижу, будешь круглосуточно занята. Но всё равно так и знал, что ты сегодня заглянешь. Верить – не верил. Но знал!

У Рахмета при виде Дахи глаза так сияют, словно в бар влетела звезда. Хотя так, конечно же, не бывает. Мелкие звёзды в Ирали с неба порой действительно падают, но только на улицы, в помещения – никогда. Рахмет очень любит Даху; не в том смысле, что хотел бы на ней жениться, это всё-таки вряд ли, он по складу человек не семейный, а она – вообще сид. Но для

Рахмета Даха – самое главное, что случилось с ним в жизни, он – её лучший друг и вечный должник.

История старая, её мало кто знает, сиды о своих делах не любят болтать, а тут ещё и личная тайна, которую без особой необходимости ни к чему разглашать; короче, у Рахмета удивительная история – вся, от начала и до конца. Он – один из тех уходящих, у которых в Ирали ни дома, ни родни, ни знакомых, некому здесь их любить и ждать. Таким уходящим иногда снится, что они гуляют по Ирали, как туристы, впервые приехавшие в какой-нибудь дальний квартал. Собственно, все и принимают их за туристов, а что ещё можно подумать? Ходит по улицам города, смотрит на всё, как впервые увидел, говорит невпопад; ну, главное, всем доволен и в помощи не нуждается. Если попросит, ему, конечно, помогут, а так чего к человеку зря приставать.

В Ирали до сравнительно недавних пор вообще понятия не имели, что такое бывает, пока позапрошлый Тёмный мэр Константин не познакомился в баре с одним уходящим-туристом и бескорыстно, без задней мысли, его до состояния последней исповеди напоил; с тех пор к восторженным незнакомцам стали присматриваться повнимательней и уже не стесняются их расспрашивать, откуда они, что, да как. Потому что всем уходящим нужна поддержка и опора в Ирали, а этим – в первую очередь. Нельзя их в одиночестве оставлять.

Таких уходящих – без роду и племени, без связей с другими людьми Ирали, без понимания что происходит – очень мало, на пальцах можно пересчитать. С тех пор как Тёмный мэр Константин сделал открытие, всего семерых насчитали. И одним из них был Рахмет.

Рахмет – счастливчик, его заметил не кто-нибудь, а Люсьен, о таком покровителе можно только мечтать. Объяснил ему его положение, поселил в своём доме и стал опекать. Даха там с Рахметом и познакомилась: Люсьен был другом её отца; в общем, неважно, факт, что Даха часто бывала в доме Люсьена, а Рахмет временами там жил, и они так сдружились, что когда Рахмет наяву, во Тьме за Воротами заболел какой-то смертельной болезнью, никому об этом не стал рассказывать, чтобы хорошие сны не портить, но Дахе всё-таки рассказал. Чтобы Даха с Люсьеном, когда он перестанет тут появляться, не подумали, будто Рахмет их по-свински, не попрощавшись, бросил, потому что нашёл другую компанию. Лучше их никого в мире нет! Рахмет почему-то больше всего беспокоился, что Люсьен и Даха обидятся, хотя, конечно, как все нормальные люди боялся и совсем не хотел умирать. При этом в Ирали Рахмет себя замечательно чувствовал, о своей болезни только теоретически знал. Но это как раз понятно, в Ирали тела уходящих полностью изменяются; у сидов, собственно, тоже. Дядя Люсьен рассказывал, когда ему во Тьме прострелили ногу, дома всё снова стало нормально, а во Тьме он с тех пор хромал.

В общем, Даха тогда сразу сообразила, что надо просто забрать Рахмета из Тьмы, как уходящих оттуда во время войны забирали. В Ирали он долго ещё проживёт. Благо война во Тьме – ну, чисто технически – для этого не нужна. Вовсе не обязательно новой войны дожидаться, чтобы одного-единственного уходящего из Тьмы домой привести.

Даха тогда была совсем молодая, почти подросток, начинающий сид. Папа, как все родители, считал, что ей во Тьму пока рано, сперва хотя бы школу надо закончить; дядя Люсьен с лучшим другом не спорил, но Даху потихоньку всему учил. В общем, хорошо, что она была ещё юная, глупая и неопытная, вряд ли подобную авантюру провернул бы взрослый, Тьмой за Воротами битый сид.

Советоваться со старшими Даха, конечно, не стала, ну их в пень, этих старших, они всегда говорят примерно одно и то же: «рано», «ты пока не умеешь», «нет». Она подробно расспросила Рахмета, как его отыскать во Тьме; труднее всего было попасть в нужный город, но с восьмой попытки у неё получилось, а всё остальное оказалось легко. Дахе в тот раз везло фантастически, как часто везёт новичкам: не заблудилась, пробралась в больницу, нашла палату, и Рахмет её сразу узнал, даже вспомнил, как они во сне договаривались, что Даха поможет ему

сбежать, смог подняться с кровати и выйти, никто их по дороге не остановил; короче, слабое умение и отвага, как папа потом шутил. Прежде Даха, как все начинающие, ходила во Тьму за Воротами и обратно только чужими проверенными путями, а тогда – потому что выхода не было, а вдохновение было – изобрела свой собственный способ, самый простой за всю историю сидов Ирали: закрыть глаза и идти.

В общем, Даха вернулась из Тьмы в обнимку с Рахметом; уже задним числом испугалась до полусмерти, сообразив, как велика была вероятность и Рахмета не вытащить, и самой надолго во Тьме застрять. Думала, папа и дядя Люсьен будут страшно ругаться, но обошлось. У сидов Ирали такое правило – к победителям не придираются. Если задуманное получилось, и все живы остались, ты молодец.

Короче, у Дахи с тех пор Репутация, с большой буквы «ррры», а у Рахмета – бар на углу Золотой и Туманной, без вывески и названия, куда приходят только свои. Он всю жизнь о чём-то таком мечтал, и отлично у него получилось, но вот это как раз не чудо, а просто нормально, здесь у всех получается, хочешь – бери и делай, а реальность тебе поможет. У Ирали лёгкий характер, он очень сговорчивый мир.

* * *

Наконец Рахмет отпускает Даху и говорит единственному клиенту в пальто с капюшоном, который сидит у окна:

– Видишь, пришла всё-таки! Не зря я тебе советовал подождать.

– Спасибо, – кивает тот, откидывает капюшон и смущённо улыбается Дахе: – Извини, я к тебе по делу. А ты же наверное приходишь сюда отдыхать.

– Всё нормально, – смеётся Даха. – В этот бар я специально прихожу уставать! Мы знакомы? Прости, если да, у меня ужасная память на лица. Даже приятеля, если месяц не виделись, могу на улице не узнать.

– Да не то что знакомы. Пару раз виделись в Ратуше. Я один из помощников Шумана...

– А! – вспоминает Даха. – Точно. Транспортom занимаешься. Алекс, правильно?

– Да. Александр. Я пришёл из-за дочки. Она...

– Уходящая? – продолжает Даха и берёт у Рахмета бокал с коктейлем из холодного кофе и грушевой водки; крепкий, зараза, страшно, но сейчас – то, что надо. Он поначалу бодрит, и проясняется голова, правда, потом... Ай, ладно, какая разница. Если что, у Рахмета в подсобке можно поспать.

– Да, уходящая, – кивает Александр. – Но проблема не в этом. Будь Микаэла просто одной из застрявших во Тьме, я бы не стал тебя дёргать. И так же понятно, что вы без дополнительных уговоров постараетесь всех оттуда забрать.

– Ну да, – подтверждает Даха. – Сами этого больше всего на свете хотим. Сиды крепко связаны с уходящими. Существует легенда, будто изначально Ирали придумал сидов, чтобы было кому помогать уходящим, их во Тьме поддерживать и защищать. Правда ли это, не знаю, но судя по тому, как сильно мы о них беспокоимся, больше, чем о ближайших родичах, похоже, всё-таки да.

Даха думает: так, язык у меня уже развязался. Осторожней надо с грушевой водкой, вечно я от неё начинаю пространно вещать. У человека дочка осталась во Тьме за Воротами, он ко мне уж точно не за мифами и легендами шёл.

Она спрашивает Александра:

– Значит, твоя Микаэла не просто одна из застрявших? А что с ней не так?

– У Микаэлы во Тьме есть сын, – говорит Александр. – Прямо там и родился. Мой, получается, внук.

– Ничего себе. Я не знала.

– Да никто кроме нас с Ниной не знал. Мика в принципе необщительная. У неё единственная подружка – Нина, сестра. Они двойняшки. С виду не одинаковые, но всё равно, считай, близнецы. С близнецами, говорят, так часто бывает, что они друг для друга – весь мир. Ладно, неважно, речь сейчас не о том. А о том, что Микаэла сына не бросит. Может быть, стоит увести её хитростью? Или силой? Сиды это умеют, я знаю. Но как быть с мальчишкой? Нельзя, наверное, его одного бросать. Он, конечно, без матери не пропадёт, уже не младенец. Но ещё и не взрослый. Четырнадцать лет. Короче, я не знаю, что делать. О чём тебя надо просить – забрать Микаэлу из Тьмы, или оставить в покое, пусть сына растит? Как вообще в таких случаях поступают? Мне нужен совет.

Даха долго молчит. Но не потому что не знает ответа, а чтобы лишнего не сболтнуть. Наконец говорит:

– Хорошо, что ты мне рассказал про внука. Придумаем что-нибудь. Не грусти, нормально всё будет с обоими. Я сама за твоей Микаэлой схожу.

Уже потом, свернувшись клубком на тахте в подсобке, потому что ноги после грушевой водки до дома вряд ли дойдут, Даха говорит – не то присевшему рядом Рахмету, не то себе, но всё-таки вслух:

– Как же удивительно иногда сплетаются судьбы уходящих и сидов. Как красиво мы возвращаем долги!

Что – красиво? Чьи именно судьбы сплетаются? Какие долги? – недоумевает Рахмет. Но молчит, не переспрашивает, потому что хорошо знает Даху. Захочет, сама расскажет. А не захочет, сделает вид, будто спит.

Даха спит.

* * *

Раньше по вечерам Ева часто ходила в бар в трёх кварталах от дома, заказывала стакан сидра, или светлого пива и подолгу сидела в каком-нибудь дальнем углу. Ей там всё нравилось – тихая музыка, спокойная атмосфера, знакомые лица соседей, стареющих у неё на глазах, вместе с ней. Здесь Еве всегда начинало казаться, что она пришла навестить родных, и ей это очень нравилось, хотя на семейные торжества к настоящим родственникам её палкой было не загнать.

В локдаун бар не работает, как и всё остальное, кроме аптек и продовольственных магазинов, да и те закрываются в страшную рань. Но Ева всё равно выходит из дома по вечерам с бутылкой сидра, или светлого пива, чтобы выпить его под навесом у входа в бар. Еве кажется, что от этого бар уцелеет, не разорится и не закроется навсегда. Никакой логики в этом нет, но ей и не надо логики. Ей даже веры не надо. Достаточно исполнять ритуал.

Ева сидит на ступеньке у входа, под навесом – это сейчас особенно кстати, потому что моросит ледяной зимний дождь. Медленно цедит пиво; ей на самом деле не особенно хочется. Но надо, выпить пива на этой ступеньке – Евин тайный, смешной, никому не нужный священный долг. Впрочем, Еве тут нравится, как раньше нравилось в баре. Надо же, – думает Ева, – бар закрыт, здесь холодно и темно, нет ни музыки, ни тёплого тусклого света, ни запахов, ни голосов, ни знакомых лиц, а атмосфера и настроение сохранились. И через замочную скважину выбрались из помещения на крыльцо.

Поэтому Ева совершенно не удивляется, когда из-за угла выходит сосед. Поднимает руку в приветственном жесте, спрашивает: «Не помешаю?» – и садится рядом, не дожидаясь ответа. И так же ясно, что нет.

– Я не забыла про груши, – говорит ему Ева. – Просто дома давно не была.

То есть, Ева сперва говорит, а потом уже вспоминает, вернее, осознаёт: рядом с ней на крыльце как ни в чём не бывало, расселся сосед Георгий. Я им с Ларой груш обещала, – медленно, чуть ли не по слогам, как бывает спросонок, думает Ева, – а собрать не успела, потому что как-то слишком быстро ушла обратно во Тьму.

Так, спокойно, – говорит себе Ева; впрочем она и без дополнительных увещаний спокойна как никогда. – Это сосед Георгий. Это просто сосед Георгий. Из двухэтажного жёлтого дома с оранжевой крышей, который мне часто снится. Просто сосед Георгий из... из сна. У него желтый дом, а у нас бирюзовый; мы ещё договаривались, как покрасить дома, чтобы рядом красиво смотрелись. Засиделись тогда вчетвером почти до утра. Эл сперва хотел фиолетовый... так, стоп. Эл хотел фиолетовый! То есть Эл у меня из того же сна, что Георгий. Они вместе мне снились. Одновременно. И получается... погоди, это что же у нас получается? То есть, Эл тоже может прийти наяву?

– Эл не мог за тобой прийти, – говорит Еве сосед Георгий, то ли прочитал её мысли, то ли просто их угадал. – Он же не сид. Зато я, по счастливому совпадению – да.

Точно же, – думает Ева. – Нормальные люди во Тьму за Ворота не ходят. Только сиды и такие как я. И одновременно Ева, конечно же, думает: какие, мать твою, «сиды», дурища? Ты ещё эльфов вспомни. И лепреконов. И кто там у нас ещё обитает в волшебных холмах.

– Эл тебе передал подарок, – говорит ей сосед Георгий.

– К-к-какой п-п-подарок? – наконец произносит вслух Ева, заикаясь и запинаясь, но не от волнения, а от странного, ни на что не похожего ощущения, словно во рту у неё целых два языка, и они друг другу мешают, трутся и сталкиваются, спасибо хоть не завязываются узлом.

– Хороший! – смеётся сосед Георгий. – Руку давай, покажу.

Ева сидит неподвижно, потому что не может вспомнить, какая часть её тела «рукой» называется, и какое действие описывает глагол «давай». Но Георгий и сам справляется, пока Ева думает, достаёт из кармана и надевает ей на мизинец кольцо в виде хитрой спирали; конечно, зелёное. Ева в Ирали только зелёное золото носит, другие металлы не признаёт.

Ева долго смотрит на палец, украшенный дарёным кольцом, наконец говорит:

– Какой же это подарок. Ему уже, как минимум, двадцать лет. Мне его Эл подарил, когда только начал за мной ухаживать. Он тогда промахнулся с размером – видишь, какое маленькое. Но мне даже нравится, что оно сидит на мизинце. Кроме меня так, кажется, никто не носит колец.

– Вспомнила! – радуется Георгий.

– Не знаю, – вздыхает Ева, – что я вспомнила, а что сочинила. Но ты-то и правда Георгий. Муж Лары. Сосед.

– Эл ещё и вино тебе передал, – говорит ей Георгий. – Молодое, последний ваш урожай. Чтобы выпила на дорожку.

– На какую «дорожку»? – удивляется Ева. Но не вся целиком удивляется, только какая-то часть, а остальная Ева думает, ещё не веря, но уже твёрдо зная, что спасена: ну, это просто логично, что меня во Тьме доживать не бросили, так с людьми поступать нельзя.

Сосед Георгий тем временем достаёт из-за пазухи маленькую бутылку, объёмом всего в стакан. Говорит:

– На самую лучшую в мире дорожку. У меня грузовик во дворе вон за тем магазином. Домой поедем сейчас.

Ева пробует вино и смеётся, молодое вино на неё почему-то всегда действует так. Выпьет буквально глоток и хохочет, как школьница, которой подружка только что рассказала ужасно глупый и от этого ещё больше смешной анекдот.

– Наше вино здесь во Тьме, – говорит сквозь смех Ева, – такое дурацкое!

– Дурацкое? – удивлённо переспрашивает Георгий.

– Ну да! У него тут цвет вместо вкуса.

– Как это – цвет?

– У меня в горле сейчас – тёмно-красное. И в глазах тёмно-красный туман. И в груди, и в ладонях. Я уже вся изнутри тёмно-красная! Вижу себя – вот так. А вкуса не чувствую. Хочешь, попробуй сам.

– Давай, – кивает Георгий. – Совершенно не представляю, как это в горле может быть цвет? – Делает небольшой глоток и кивает: – Да, теперь понял. Точнее, пожалуй, не скажешь. Интересный какой эффект. Ну что, поехали, дорогая? В машине успеешь допить.

Он поднимается, подаёт Еве руку, и Ева встаёт. Ей сейчас кажется, что она – великанша ростом до неба – так далеко осталась земля. Мы что, взлетели? – растерянно думает Ева. От высоты у неё кружится голова.

– Пошли, – говорит Георгий. И Ева, земли под собой не чуя, как-то делает шаг.

Получается, – удивляется Ева, – всё-таки не взлетели. А просто куда-то идём по земле.

– погоди, – просит Ева. – Буквально ещё минуту. Мне сперва надо... ну, наверное надо как-то осознать это всё головой. Ты серьёзно Георгий? Ты сейчас мне не снишься? Мы, что ли, правда пойдём домой?

– Не пойдём, а поедем, – педантично поправляет Георгий. – У меня в соседнем дворе стоит грузовик. А голова твоя всё как миленькая осознает, куда она денется. Не сейчас, так дома. Не сразу, так на следующий день.

Увидев маленький тёмно-синий грузовик с открытым кузовом – дома в похожих обычно развозят по покупателям саженцы и цветы – Ева сразу его узнаёт и говорит:

– Так он же, вроде, сломался. Ты ещё жаловался, что никто не берётся чинить.

– Было такое дело, – кивает Георгий. – Но Юри его починил.

– Это который из дома напротив? – улыбается Ева. – Белобрысый молоденький джинн?

– Именно. Главное, пока я бегал по городу в поисках нормальных механиков, мастер под носом жил. Я его почему-то даже не спрашивал, думал, он ещё молодой и неопытный. К счастью, Юри сам предложил.

Устроившись на пассажирском сидении, Ева с внезапно ярким, звонким, как пощёчина ужасом думает: боже, что происходит, куда я вообще собралась? Поверила, что на этой машине можно уехать из жизни в свой сон? Нет, серьёзно? Я совсем чокнулась. Доконали меня карантинны-локдауны. А этот... сосед, не сосед, откуда он взялся? Кто он?

– Расслабься, – говорит ей Георгий, который явно догадывается, что сейчас творится у неё в голове. – Я из всех наших всегда был самый скучный. Уж если со мной связалась, у тебя ни малейшего шанса влипнуть в неприятности нет. Самое худшее, что может случиться – ну, потеряешься сомнениями ещё часа полтора. Ты вино давай допивай, чтобы веселей сомневалось. И лучше – это не обязательно, просто так мы гораздо быстрее доедем – закрой глаза.

Ева допивает вино, тёмно-красный цвет заполняет её до макушки, до ногтей, до подошв, до кончика языка. Ей хорошо – наверное, это так называется. Ева больше не понимает, что теперь считается «хорошо». И вообще ничего, но так даже лучше. Не надо пока понимать.

– А как тут всё будет, когда я уеду? – спрашивает она, когда грузовик очень медленно, задним ходом начинает выезжать из двора.

– Как всё будет у тех, кто живёт во Тьме? Понятия не имею. Это тебе никто не предскажет. Тьма по определению непредсказуема. К счастью, она уже не влияет на нас...

– Да нет же! – перебивает Георгия Ева. – Я не о том тебя спрашиваю. Не про Тьму вообще, а только про художницу Еву, которой я тут была. Что от меня останется, когда мы с тобой уедем? У входа в бар, где мы сидели, или на улице, или прямо в квартире... – Ева кривится, как от боли, но всё-таки произносит вслух догадку, от которой у неё всё внутри цепенеет: – Там будет лежать мой труп?

– Ещё чего не хватало! – почти сердито отвечает Георгий. – Скажешь тоже. Ты же вся, целиком со мной домой уезжаешь. Откуда возьмётся труп? Так что художница Ева просто исчезнет. Если станут искать, не найдут. Ну, я за них спокоен, придумают, что случилось. Что здесь, во Тьме, люди точно умеют, так это ловко сочинять объяснения всему, что в их положении умом объяснить нельзя.

– Просто исчезнет, – с удовольствием повторяет Ева. – То есть, я загадочно без вести пропаду? А что, для художника хороший финал биографии. Может, цены на картины взлетят.

* * *

Таис Михайловна берёт телефонную трубку, говорит: «Ну, давай, рассказывай, – слушает и смеётся от радости, хлопает себя по колену: – Ай, молодцы!» Наконец прощается с собеседником и достаёт из кармана блокнот. Делает там пометки и говорит Руфи, бухгалтеру Тёмной мэрии, хозяйке дома, где Таис Михайловна сегодня ночует:

– Ещё восемь с обеда. Восемь за вечер! Всех привели без особых проблем. Только Фил, кузнец из квартала Ти-Гори – ты его знаешь? ладно, неважно! – наотрез отказался уходить из Тьмы без своего кота. И что ты думаешь? Отлично кота протащили! Причём тот в момент перехода даже не пискнул, нормально было ему. Я теоретически знаю, что коты из Тьмы к нам проходят не хуже опытных сидов, но как это у них получается, никогда наверное не пойму... Значит, в сумме у нас уже сто двенадцать. Из них двадцать шесть – только за сегодняшний день. Я, конечно, всегда хочу поскорее, но даже мне понятно, что это отличный темп. Слушай, моя дорогая, я сдуру отказалась от ужина, но теперь ты мне всё-таки супу, пожалуйста, налей.

– Вместо водки бахнешь сырного супа на радостях? – улыбается Руфь.

– Вот именно. Зря смеёшься, у меня организм с такими причудами, что сама порой удивляюсь. Когда я так счастлива, и от супа вполне могу захмелеть!

* * *

Незнакомая девушка угостила сдобной булкой с изюмом – пустяковый, а всё-таки странный, необъяснимый был эпизод. Мика вышла в обед, купила капучино в любимой кофейне – на вынос в картонке, иначе теперь не бывает, но спасибо, хоть так продают. Сидела на лавке в сквере, пила, а девчонка просто шла мимо и вдруг сунула ей прямо в руки булку, завернутую в салфетку: «Угощайтесь, пожалуйста, это лучшая выпечка в городе, я от жадности слишком много купила, третью подряд мне не съесть». Мика не хотела брать булку, но девчонка была такая славная – румянец, рыжие косы, сияющая улыбка, ямочки на щеках – что Мика только растерянно пролепетала: «Спасибо». Щедрая незнакомка убежала, а булка осталась. Но Мика её конечно не стала есть. Завернула получше и спрятала в сумку, Тошка-то с радостью слопает. Ладно, пусть, ему можно, пока растёт.

Допила кофе, вернулась в аптеку – с чем, с чем, а с работой ей повезло, не закрыли в локдаун, никого не уволили, даже зарплату очень прилично прибавили, типа за риск заболеть. Посетителей было немного, время тянулось невыносимо, как в детстве, когда не пустили на улицу, заперли дома, а по телевизору только скучное, и нет новых книг. Мысли всё время крутились вокруг чёртовой булки – лучшая выпечка в городе! хоть бы кусочек попробовать! Один-единственный раз откусить!

Сдобная булка натурально пульсировала в сумке, испускала невидимые лучи, порабошающие разум и волю, но Мика держалась стойко и не сдалась. В моём возрасте жрать булки – безумие. Лучше не пробовать, даже не нюхать, – говорила она себе. – Сладкая выпечка хуже любого наркотика. Вспомнишь этот упоительный вкус и сорвёшься, не сможешь остановиться, станешь ежедневно жрать сдобу, и всё. Углеводы, дрожжи, сахар, калории, ожирение, ранний

климакс, рыхлая старость, альцгеймер, диабет, онкология, недостойная, жалкая смерть, которой, конечно, не избежать в любом случае, но строгий контроль за питанием поможет её отсрочить, а потом – невозможно поверить, а всё-таки вдруг учёные рецепт долголетия изобретут? Ну и тощие старухи выглядят получше, чем жирные. Хотя тоже, конечно, кошмарная жуть.

Уже дома Мика вспомнила, что сын сегодня поехал с отцом за город и собирался остаться у него ночевать. Но вместо того чтобы обрадоваться предстоящему спокойному вечеру, внутренне взвывала: а булку кто будет жрать?! И сама рассмеялась такой постановке вопроса. Подумала: всё-таки я чересчур загоняюсь. Типа ребёнок от булки должен меня спасать! Это обычная сладкая булка. Она не страшная. Вкусная, вредная, но не злобный враг, а еда. Её, в конце концов, можно просто выкинуть. Бабка с мамой всю жизнь долдонили, что еду выкидывать грех, но они не узнают и ничего мне не сделают. Мама, слава богу, живёт в трёхстах километрах, – напомнила себе Мика. – А бабка вообще давным-давно умерла.

Ну или ладно, – решила она. – Не обязательно булку в мусор выбрасывать. Можно на подоконнике раскрошить. По утрам за окном всегда воробьи чирикают, будет им завтра приятный сюрприз.

Мика, конечно, не питала на свой счёт особых иллюзий. Подозревала, что не удержится, когда булка будет в её руках. Так и вышло, последний кусок она, на чём свет стоит проклиная своё слабоволие, отправила в рот. Но вкуса, вопреки ожиданиям, не почувствовала – вообще никакого. Ни намёка на сладость, как будто жевала картон. Зря, выходит, боялась сдобы-наркотика. Это что же, – растерянно думала Мика, – получается, мозг игнорирует информацию, от которой отвык?

* * *

– Так, погоди, – говорит Ева соседу Георгию, который галантно помогает ей выбраться из кабины грузовика. – Груши! Надо. Вам с Ларой. Груши. Сейчас! А то забуду потом.

– Совсем ты, моя дорогая, спятила, – смеётся Георгий. – Какие могут быть груши? Ночь на дворе, темно.

– Ничего, пошли в сад, посветишь мне телефоном, – Ева тянет его за рукав. Объясняет: – Это важно. Мне – важно. Точку, что ли, поставить. Не знаю, как лучше сказать. Я, понимаешь, в последнее время во Тьме только это и помнила. Всё забыла – и дом, и Эла, и нашу с ним лавку, и что мы в отпуск как раз собирались в дальний приморский квартал. Но почему-то за работой всегда вспоминала, что зимние груши уже спели, и я обещала вам с Ларой их дать.

– Да, тогда понимаю, – кивает Георгий и достаёт телефон из кармана: – Куда тебе посветить?

В доме, тем временем, загорается свет, окно открывается, Ева прижимает руки к груди, словно сердце может на радостях выскочить, если его не держать, и кричит счастливому Элу:

– Сдавайся, руки вверх, мы – грабители! Твои груши пришли обтрасти!

* * *

В половине второго Мика решительно откидывает одеяло, всё равно невозможно уснуть. В голове каруселью крутятся мысли: папа волнуется, Нина... Что за Нина? Сестра. Но у меня нет сестры! – растерянно думает Мика. – И отца тоже нет, он ушёл, когда мне было три года, и с тех пор ни разу не объявился, даже денег не присылал. Это чьи-то чужие мысли, – думает Мика. – Соседские, что ли? Вдруг я теперь телепат? Ужас, на самом деле. Люди и так не подарок, а если ещё все их мысли узнать, это же ад разверзнется. Чего доброго, возьмусь за топор и пойду всех подряд убивать.

Это настолько нелепое предположение – топором! убивать! – что Мика смеётся. Вслух смеётся, одна в квартире. Это безумие, – думает Мика, – я точно сошла с ума.

Мика встаёт с постели, подходит к шкафу, долго наощупь там роется, наконец находит коробку, в которой спрятана заначка из четырёх сигарет. После развода Мика стала очень много курить, потом опомнилась, бросила. Но иногда, если очень хочется, можно. Или нет? Наверное, нет. Да насрать, – думает Мика, нарочно выбирая самое грубое слово из подходящих, даже вслух его повторяет: «Насрать». Надевает новый сиреневый пуховик прямо поверх пижамы и выходит из дома, потому что балкона в квартире нет, а курить в окно плохая идея, она уже раньше пробовала, ветер дунет, и полная комната дыма, вонь потом целый день.

Курить в подъезде ничем не лучше, чем дома, сигарета всё вокруг провоняет, да и законом запрещено. Если соседи застукают, будет неловко; кто их знает, напишут, чего доброго, жалобу, тогда могут выкатить штраф. Короче, ну его к чёрту, – думает Мика, – не так уж и холодно. И вполне нормальные, однотонные у пижамы штаны.

Мика выходит на улицу, неумело чиркает спичками; думает: вот будет номер, если я не смогу прикурить! Наконец у неё получается, Мика жадно затягивается, горло обжигает едкий ментоловый дым. Мика кашляет, привычно пугается: я всё-таки заболела ковидом, теперь по закону подлости окажусь в том самом проценте, которому он опасен, я всегда была невезучая, вдруг я умру? И неожиданно думает: а было бы хорошо. Мёртвым маски носить не надо. И ходить на работу. Мёртвые по будильнику не встают! Только папа и Нина... Какие папа и Нина? Хватит уже придуриваться, – сердито думает Мика. – Это какое-то скучное сумасшествие, нет ни папы, ни Нины. Они за мной не придут.

Мика уже докурила, но домой возвращаться не хочется. Ненавижу эту квартиру, – неожиданно думает Мика, хотя до сих пор была ею довольна. Разве что без балкона, а так-то отличная, кухня большая, у Тошки отдельная комната, и у меня. И, самое главное, это собственная квартира. Ипотека сейчас неподъёмная, аренда – тем более. Самая жуткая штука на свете – не иметь своего жилья. Но у меня всё в порядке, – думает Мика. – У меня всё отлично. Только папа волнуется. Зря волнуется, нет его у меня.

– Докурила? – спрашивает женский голос откуда-то. Слева? Справа? Мика не понимает. В общем, из темноты.

Мика растерянно озирается, думает: мне не надо бояться, голос женский, женщина это не страшно, они маньяками не бывают, то есть, мы не бываем маньяками, мы. Никого рядом нет, но кто-то её обнимает, шепчет на ухо так ласково, как даже мама никогда не шептала:

– Вот и славно, тогда пошли.

Мика хочет спросить: «куда?» – и: «ты кто такая?» – и: «вы ошиблись, наверное», – и: «я ничего не нарушила, на улице можно курить». Но пока Мика думает, её ноги сами делают шаг, ещё шаг. А ласковый голос снова шепчет:

– Просто Алекс и Нина не сиды, сами тебя забрать отсюда не могут, поэтому попросили меня.

Мика хочет спросить, кто такие Алекс и Нина, но вместо этого говорит:

– Почему-то папу все зовут «Алексом», а он больше любит, чтобы полным именем, «Александр».

– Точно! – отвечает ей ласковый голос. – Ты совершенно права. Надо мне наконец уже это запомнить. И называть его Александром. Всегда! Ну, раз человеку так больше нравится... А теперь, дорогая, закрой на минутку глаза.

– Это зачем? – пугается Мика, но глаза закрывает. И наощупь, опираясь на чьи-то сильные руки, делает шаг. И вдруг понимает, чей это ласковый голос. Это за мной пришёл ангел смерти, – думает Мика. – Я умерла. От сигареты, наверное. Не зря же врачи говорят, что курение вредно для сердца. Я покурила, и случился инфаркт. Ничего, умерла и не жалко, вот и правильно, и хорошо. Главное, было совсем не больно! Раз, и всё, это мне повезло. Ни больницы,

ни операций. И состариться не успела, и окончательно ожиреть. И мысли остались! Я думаю, значит ничего не закончилось. Есть жизнь после смерти. И какой-нибудь бог, получается, всё-таки есть. Зря я в него не верила. Но я на него надеялась! Бог обязательно должен это учесть.

Мика идёт, зажмурившись, шаг за шагом, почти не чувствуя под ногами земли. Наконец, не выдержав, спрашивает:

– А свет когда будет?

– Какой свет? – удивляется ангел смерти.

Мика уныло думает: ясно, значит света мне не положено. Свет, наверное, только для праведников, а я... а меня... Таких как я, не святых, обычных сразу, не разбираясь, отводят в ад?

У Мики от ужаса всё внутри обмирает, и тошнотворно кружится голова. Но на всякий случай она объясняет ангелу:

– Свет, который в конце тоннеля. Люди, умиравшие клинической смертью, вроде, всегда его видят... Или это как раз потому, что не по-настоящему, а клинической? – вдруг осеняет Мика. – Свет означает, что их сейчас оживят?

– Бедный ребёнок, – вздыхает ангел. – Ты решила, что умерла? Ну я балбеска; прости, не подумала, что переход можно перепутать со смертью. А ведь да! Не горюй, всё в порядке, все живы. Ты – в первую очередь. Можешь, кстати, открыть глаза.

Мика послушно открывает глаза и наконец вспоминает, кто она, откуда, куда и зачем пришла. На самом деле, вряд ли это называется «вспоминает», вспоминают обычно постепенно, с усилием, а тут – раз, и всё. Как будто внезапно проснулась, или очнулась от обморока. И сразу начинает казаться, всегда так и было, хотя Мика точно знает, что не всегда.

Мика думает: что, вот так просто? Серьёзно? Меня отпустила Тьма? Мика смеётся и плачет, но всё-таки больше смеётся. И говорит сквозь слёзы:

– Так ты меня домой привела?

– А куда же ещё, – пожимает плечами рыжая девчонка из парка; теперь-то понятно, откуда та безвкусная сдобная булка была. Девчонка – Даха, дочка Весёлого Тома; говорят, она сейчас самая крутая из сидов. Ну, ничего не скажешь, крутая, да.

– Вот я поэтому никогда во Тьму уходить не хотела, – вздыхает Мика. – Каждый раз умоляла Нину: не отпускай меня. Уходящего не удержишь, это я и сама понимаю. Но когда тонешь, даже за воду цепляешься. Правда, я сама не тонула, но так говорят... Вот веришь, как знала, что однажды застряну во Тьме за Воротами и не смогу вернуться в Ирали. Как чувствовала! Спасибо, что ты меня домой привела. А если я там снова застряну, ты опять мне поможешь? Придёшь? Я там от тоски чуть с ума не сошла.

– Больше не застрянешь, не беспокойся, – улыбается Даха.

– Серьёзно? Откуда ты зна?..

– Так Ворота закрылись. Ты поэтому во Тьме и застряла. Зато теперь пришла домой навсегда.

– Навсегда, – повторяет Мика, ещё не до конца понимая значение этого слова. – То есть, погоди, – медленно говорит она. – Хочешь сказать, я во Тьму вообще не вернусь? Никогда?

– Никогда. Ворота закрыты. Все уходящие уже который день это событие празднуют. Внезапно выяснилось, что никому из ваших особо не нравилась Тьма.

– Но... – Миказла в ужасе смотрит на Даху. – Так же нельзя! Я обратно во Тьму не хочу. Это хуже, чем застрелиться. Но надо! У меня там остался сын.

– Знаю, – кивает Даха. – Мне Александр сказал. Но тут ничего не поделаешь. Вернее, ещё как поделаешь! Просто делать будешь не ты.

– Это как? – растерянно спрашивает Мика. Умом она понимает, что случилось нечто непоправимое. Но испытывать настоящее горе у неё сейчас нет сил.

– Всё с ним будет нормально, – улыбается Даха. – Даже лучше, чем просто «нормально». Просто дело такое, в двух словах не расскажешь. Идём, дорогая, сядем, выпьем, поговорим.

– И покурим, – вздыхает Мика. – Мне сейчас очень надо, ох. Представляешь, какая я во Тьме была дура: там и так-то несладко живётся, а я ещё с перепугу, поверив рекламным ужасикам, бросила курить.

* * *

В музыкальный паб «Чёрный Шкаф» на углу Первоцветов и Мысленной входит, может показаться, подросток, но на самом деле взрослый, просто невысокий, по-мальчишески тонкий и гибкий мужчина в яркой малиновой шубе, на голове по-пиратски повязан цветастый вязаный горский платок. Исаяя тот ещё модник, если уж решил нарядиться, всем случайным свидетелям гарантирован эстетический шок.

Стивен, выжатый как лимон, только что откатавший большую программу и потом ещё полчаса на бис, мгновенно забыв об усталости, вскакивает навстречу:

– Вот это сюрприз!

– Девятнадцатый, – говорит другу Исаяя и падает в кресло.

– Девятнадцатый – что?

– Не «что», а «кто». Я привёл уже девятнадцатого. Из Тьмы. Только что. Устал хуже джинна. Но слушай, какое же счастье! Каждый раз. Невозможно привыкнуть. Как у них начинают сиять глаза! Какие становятся лица! Особенно, когда понимают, что вернулись домой навсегда.

– Да, – соглашается Стивен. – Я тебе страшно завидую. Хотел бы я тоже уметь людей из Тьмы домой приводить! И лучше с каким-нибудь приподвывертом, чтобы это был не мрачный героический подвиг, а цирк. Как ты меня в сундук упишал на глазах обалдевшей публики. Ух, это было красиво! До сих пор вспоминаю и ржу.

– Сам доволен, – кивает Исаяя. – Я с тех пор ещё кучу народу загнал в тот сундук! Но на самом деле, скоро веселье закончится. Мы, знаешь, в хорошем темпе идём. В каком-то даже слишком хорошем. Я – так вообще чемпион. Девятнадцатый, слушай! Сам в шоке. Не понимаю, когда успел. Я сейчас звонил Таис Михайловне, чтобы отметила в списке, кого я привёл, так она, прикинь, на меня наорала. Велела срочно выпить бутылку водки и свалиться в канаву, потому что Ирали нужен живой, а не мёртвый герой.

– Именно водки? – удивляется Стивен. – И непременно в канаву? Это какой-то новый хитрый магический ритуал?

– Да уж, хитрей не бывает, – смеётся Исаяя. – Это просто тонкое метафорическое иносказание в духе Таис Михайловны, оно же добрый совет сделать паузу. Остановиться, пока не сдох. Короче, я взял отпуск на сутки. И намерен напиться с тобой.

– Вот это правильный выбор.

– Ещё бы. Ты меня точно не засмеёшь, когда я стану рыдать и ругаться.

– Ты? Рыдать и ругаться?! Да брось.

– Спасибо, друг, – вздыхает Исаяя. – Но сейчас такое вполне возможно. Мне, конечно, все моря по колено. Но я до краёв переполнен Тьмой.

* * *

– Так странно, – говорит Микаэла, едва пригубив коктейль. – У меня, я только сейчас заметила, руки чуть-чуть просвечивают, если через них на лампу смотреть. Это что-нибудь означает? Я из Тьмы за Воротами не вся пришла? Часть меня там осталась? И слоняется неприкаянным призраком? Или всё-таки нет?

– Да всё нормально, ты просто отвыкла, – улыбается Даха. – Или раньше не обращала внимания. Мы же тут все такие. Специфическое свойство материи. Мы пропускаем свет.

– Да, наверное не обращала внимания, – вздыхает Мика. – Я вообще, по-моему, была странная. Такая, слегка примороженная и туповатая. Ничем особо не интересовалась, ни с кем кроме сестры не дружила, дальше носа не видела. Жила как во сне.

– Так во сне и жила, – пожимает плечами Даха. – Все уходящие видят Ирали во сне. У кого-то сны яркие, полные страстей и событий, а у кого-то, как у тебя, спокойные. В таких хорошо отдыхать. Но теперь всё станет иначе. Сама удивишься! Ты вся дома, целиком, наяву.

– Я уже чувствую разницу, – энергично кивает Мика. – Мне всё интересно. И хочется срочно съездить на мотоцикле в какой-нибудь отдалённый горный квартал. И длинное приталенное пальто, как мы только что по дороге видели на продавщице цветов. И кофе с земляничным вареньем, как в кофейне Рубина, самой научиться варить. И слушай, мне так нравится этот бар! Раньше, вот честно, не понимала, зачем люди ходят по барам, когда можно собраться и выпить на кухне, или в саду. А зашла сюда и сразу всё поняла. Атмосфера же! В каждом баре своя атмосфера. Своими силами где попало её не создашь.

– Вот спасибо! – откликается Рахмет из-за стойки. – Удался тебе комплимент.

– Я хочу, чтобы так и осталось, – говорит Дахе Мика, прижимая к груди кулаки. – Не хочу во Тьму уходить. Никогда. Ни на день, ни на час, ни на минуту, ни даже на десять секунд.

– Так вопрос вообще не стоит, – улыбается Даха. – Во Тьму ты пойти не сможешь. Ворота закрылись, а ты – не сид.

– Но у меня же там сын остался. Поэтому... Ну, наверное, надо? – Мика с неожиданной даже для неё самой злостью бьёт себя костяшками кулака по лбу: – Надо, а я не хочу! Но должна. Или нет? Или сын теперь не считается, как во Тьме не считалось всё, что было в Ирали? Ладно, так даже лучше. Какая-то я получаюсь ужасная мать! Я его там любила. Правда, любила. Я помню. А сейчас ничего не чувствую. Как будто сын мне приснился. Но он не приснился. Он есть, он живой, настоящий. Во Тьме сиротой остался. Детей же нельзя бросать.

– Во-первых, он у тебя давно уже не младенец, – Даха медленно загибает палец, словно только что научилась считать. – Не один, а с отцом остался. Значит, точно не пропадёт. Во-вторых, вернуться во Тьму ты не можешь. Физически. Хочешь, не хочешь, это ничего не решает, твой билет был в один конец. В-третьих, нормально, что ты сейчас ничего не чувствуешь. Ты – не ужасная мать. Просто мы в момент перехода целиком изменяемся. Даже раны, полученные во Тьме за воротами, дома уже не болят. Чем любовь хуже раны? Нет ничего удивительного в том, что дома она прошла. А в-четвёртых, расслабься. Твой сын – настоящий счастливчик. Отличная его ждёт судьба.

– Ты серьёзно? Или просто меня утешаешь?

– Зачем тебя утешать? Ты же не умираешь. Жизнь продолжается. Сама увидишь, что дальше будет. Никакого смысла нет врать.

– А в чём это выражается? «Отличная судьба» – это как?

Даха умолкает надолго, напряжённо о чём-то думает, наконец говорит:

– Отличная судьба – это, к примеру, быть сидом Ирали. А твой сын по рождению сид.

– Откуда ты знаешь? – удивляется Мика. – Ты что, его видела? Днём, пока меня дома не было? Или когда?

– Да видеть не обязательно. Достаточно знать, что это не кто-то, а именно ты его родила.

– Так во Тьме же, не дома. И отец у него – просто мужчина из Тьмы.

– Это как раз не имеет значения, – отвечает ей Даха. – Я сама родилась во Тьме за Воротами у такой же как ты уходящей женщины от обычного человека из Тьмы. Моя мама погибла, когда мне не было года. Вышла на минуточку в магазин. К счастью, один из сидов оказался поблизости, узнал, что случилось, как-то выкрал меня и в Ирали принёс... Только смотрите

оба, папе ни слова, что я проболталась! Ему такие разговоры не нравятся. Хотя непонятно, что в этом плохого. Наоборот!

– Погоди. Ты хочешь сказать, Том забрал из Тьмы рождённого там ребёнка? А разве так можно? – изумлённо спрашивает Рахмет.

Понятно, почему он так удивляется. Все знают, что никто, кроме сидов не может из Тьмы в Ирали пройти. И ещё уходящие, но только если найдётся сид, готовый их провести. При этом сиды рождаются, как все нормальные люди, в Ирали, а уходящие – одновременно в обоих мирах, у них и во Тьме, и в Ирали есть матери и отцы. Но человека, который родился во Тьме за Воротами, в Ирали, хоть тресни, не приведёшь. Он просто исчезнет в момент перехода. А с ним за компанию – сдуру ввязавшийся в эту историю сид.

В старину такое порой случалось – один влюбился без памяти, второй перед другом спьяну расхвастался, третий решил надёжно спрятать приятеля от опасных врагов. Пока разобрались, много народу погибло. Но уже давным-давно главное правило сидов – никогда, ни при каких обстоятельствах, ни на каких условиях чужих в Ирали из Тьмы не водить.

– Папа не особенно рисковал, – улыбается Даха. – У уходящих женщин редко бывают дети. Но если уж родился ребёнок, он, можно не сомневаться, сид.

– Это точно? – хмурится Рахмет.

– Насколько в мире хоть что-то может быть «точно», – разводит руками Даха. – Абсолютных гарантий ни в одном деле нет. Но что у уходящих женщин всегда рождаются сиды, проверено практикой. Не было ни единого случая, когда бы это оказалось не так. Просто нас, таких детей, за всю обозримую историю было... если не путаю, тридцать семь человек. Для научной теории пока недостаточно. Но с точки зрения здравого смысла – вполне.

– Совершенно невозможно поверить, что ты приёмная, – вздыхает Рахмет. – Вы же с Томом похожи! Он такой же рыжий и круглолицый как ты. Может, он в Ирали крутил с твоей матерью?..

– Да может, конечно, – улыбается Даха. – Но будь я его родной дочкой, родилась бы в Ирали, и никаких проблем. А что похожи, так это естественно, мы же и правда родня, хоть и не особенно близкая. Папа – мамин троюродный брат. Он, я так понимаю, не случайно рядом с нами крутился. Присматривал за сестрёнкой во Тьме. Поэтому сразу узнал, что мама погибла. И что делать дальше, к счастью, быстро сообразил. Спасибо ему за это. А то жила бы я во Тьме за Воротами неприкаянная, чужая всем и всему. Одно хорошо – вряд ли долго. Такие как я редко выживают во Тьме.

– Да ладно, не сгущай краски, – укоризненно говорит ей Рахмет. – Ты сильная. Подумаешь, Тьма.

– А то ты не помнишь, как во Тьме девчонок воспитывают, – кривится Даха. – Ломают и портят всех. Меня хрен сломаешь, конечно. Но довольно просто убить. Достаточно перекрыть источник силы и радости. А это во Тьме за Воротами делать умеют. На то и Тьма.

– Ничего себе! – наконец выдыхает Мика. – Значит я не одна такая, у кого ребёнок родился во Тьме?

– Вторая, как минимум, – отвечает ей Даха. Может, в старину тоже с кем-то такое случилось, но рассказы об этом до нас не дошли.

– И теперь, – спрашивает Даху Рахмет, – ты собираешься привести её сына из Тьмы в Ирали?

– Ну естественно. Как иначе? Сиды своих во Тьме не бросают. Мальчик – сын уходящей. Значит, он сид.

– А если нет? Тогда вы оба по дороге исчезнете. Это огромный риск.

– Да вообще никакого риска, – улыбается Даха. – Ты слушай, а не кривись. Он не младенец. Такого не притащишь в Ирали за пазухой, сам должен будет идти. Значит придётся сперва научить его – да хотя бы нашему шагу. И только потом куда-то вести.

– А, тогда ладно, – сразу успокаивается Рахмет. – Если мальчишка не сид, то ничему не научится. И не сможет с тобой пойти.

– Вот именно. Но быть такого не может. Я готова три сотни поставить... О, кстати, хочешь пари?

– Ищи дурака с тобой связываться! – корчит хитрую рожу Рахмет.

– Вот то-то! – хохочет Даха. – Как по ерундовому поводу волноваться, ты первый. А как дело дошло до денег, сразу в кусты!

Всё это время Мика сидит как контуженая над почти полным стаканом. Наконец еле слышным шёпотом спрашивает:

– То есть, ты его приведёшь из Тьмы за Воротами? И Тошка будет жить с нами? В Ирали? Мой сын?

– Ну, на первых порах наверное будет, – флегматично соглашается Даха. – Но я бы на твоём месте на тихие семейные вечера не особо рассчитывала. Сиды – не домашние дети. Мы все непоседы, учти.

– И долбанутые на всю голову, – с нежностью добавляет Рахмет.

– Вот это совершенно не обязательно, – смеётся Даха. – Как получится. Взять хотя бы того же Георгия. Совершенно нормальный мужик.

– Я не об этом спрашиваю, – Мика смотрит на Даху, как ребёнок на фокусника. – Мне не надо, чтобы Тошка дома как пришитый сидел. Но... ты что, правда можешь его привести в Ирали? И он станет здешним? Насовсем?

– Именно этим я и собираюсь заняться, – кивает Даха. – Только завтра. Сначала посплю. Ты не волнуйся, я нормально лажу с подростками. Как надо всё ему объясню.

– Да я не волнуюсь, – Мика закрывает лицо руками. – Волноваться я буду потом. Я пока только одно понимаю: мой сын во Тьме за Воротами не останется. А всё остальное ты мне, когда с ним вернёшься, заново объяснишь.

* * *

Таис Михайловна отставляет кальян и поднимает бокал с маринованными грибами, которые у неё сегодня вместо шампанского; с Таис Михайловной ещё и не такое бывает, чего только она в своей жизни вместо шампанского не пила. Таис Михайловна чокается со своим призрачным отражением в тёмном оконном стекле, говорит:

– Я нас с тобой поздравляю. Отлично идёт операция, кучу народу вернули. Мы молодцы, наши сиды – герои и гении, наш Ирали – самый добрый на свете мир.

Отражение Таис Михайловны подносит к губам бокал. У отражения в бокале нормальное человеческое шампанское, вместо кальяна сигара, а вместо мужского костюма – джинсы и модный оранжевый анорак; ну, это не особенно удивительно, наши отражения зачастую гораздо нормальнее нас.

– Ты только расслабляться не вздумай, моя дорогая, – говорит Таис Михайловне её отражение. – Мы-то молодцы, не вопрос, но во Тьме за Воротами осталось ещё сорок шесть человек.

19 января – 7 февраля 2022 г.

Семь громов

*запечатлей, яже глаголаша семь громов,
и сего не пиши.*

Откровение Иоанна 10:4

1. Холли

Холли выходит из дома в мятом домашнем платье, набросив на плечи пальто, с сигаретой за ухом – если уж выскочила на минутку, можно заодно покурить. В правой руке у неё половник, чтобы отдать соседке, той срочно надо, а у Холли их по счастливому совпадению два, в левой – шарик из жира и семечек, чтобы во дворе повесить для птиц.

Холли выходит из дома, ей надо в соседний подъезд, это пара шагов; ладно, если точно – двенадцать, и Холли даже проходит два, но потом резко сворачивает – Холли не знает, зачем, но безошибочно чувствует, надо, с ней такое бывает, было уже много раз – идёт в дальний конец двора, садится на самодельную лавку, которую прошлой весной сколотила сама, закрывает глаза, вдыхает холодный вечерний воздух, улыбается, выдыхает, поднимает половник, как дирижёрскую палочку, говорит: «Начинаем, пора». И весь обитаемый мир – нелепый, прекрасный, вечно звенящий, стонущий от наслаждения, орущий от боли, крошечный шарик навоза, сияющий бриллиант, гниющий, цветущий морок, который кажется единственным данным нам в ощущениях миром – окутывает туман.

2. Зафар

Зафар с трудом выпрямляется, тихо охает, растирая поясницу, грудь и плечо – боже, это как же я скрутился, и сколько так простоял?! Только что было восемь вечера, а теперь – три часа ночи? серьёзно? Всё со мной ясно, полёт нормальный, – смеётся Зафар.

Он отходит к стене, смотрит на холст, улыбается, хотя сейчас ему хочется плакать, кромсать холст ножом, а можно просто сразу повеситься – не то, чёрт, совершенно не то. Но Зафар уже опытный, знает – поначалу всегда так кажется, потому что в сравнении с невыносимым невидимым пламенем, которое весь день полыхало перед внутренним взором, а теперь угасает, всё на свете будет не то. «Не то» – это не про картину, которая, объективно, наверняка удалась, ну или нет, неважно, было много других, и ещё много будет, какая разница, хороша ли очередная всего лишь одна. «Не то» – Зафар очень ясно сейчас понимает – это только я сам. Превращение усталого художника в обычного невдохновенного человека ему всегда тяжело даётся. Но ладно, если нельзя иначе, пусть будет такая цена.

Зафар уже опытный, знает – в такие непростые моменты всегда помогает пройтись. Он надевает куртку, выходит во двор и застывает на пороге подъезда – вокруг всё белым-бело. Пока я там бился с картиной, выпал снег, – понимает Зафар. – Весь мир стал как холст загрунтованный. И это всё мне!

Зафар возвращается в мастерскую, собирает банки с гуашью, потому что они большие, краски сейчас надо много, чем больше, тем лучше, на остальное плевать – выносит, сколько смог ухватить, возвращается за оставшимися тремя. Срывает озябшими пальцами крышки, кружит по заснеженному двору, льёт краску на снег – розовую, оранжевую, зелёную, или это не зелёная? Синяя, что ли? Кажется, так. Но это тоже неважно вот прямо сейчас, пока Зафар

перемешивает руками, сметает в сторону крашенный снег и бежит за последней банкой – в этом месте ему срочно нужен какой-нибудь тёмный цвет.

Примерно через час с половиной бывший заснеженный двор выглядит как асимметричная перекошенная мандала, символизирующая сферу обитания на всю голову долбанутого, но явно милосердного божества. Зафар сидит на ступеньках подъезда и курит. Он так устал, что не может подняться. Он счастлив, как не был ещё никогда. Он думает – очень медленно, со скоростью примерно пол-слова в минуту: боже, какой же я всё-таки псих.

3. Анна

Это не твоя смерть за тобой гоняется, – говорит Анна. – И не чужая, что интересно. А выдуманная. Причём не со страху, а нежно, с любовью нафантазированной. Смерть-мечта.

Пациент, хорошо одетый рыхлый мужчина средних лет с таким букетом диагнозов, что только по целителям бегать ему и осталось, это советовали даже некоторые врачи, недоверчиво кривится: глупости. Дурак я, что ли, о смерти мечтать?

Анна даёт ему подзатыльник – не настоящий, а мысленно, так-то она спокойно улыбаясь сидит. И орёт – беззвучно, только внутренним голосом: «Вспоминай, дурак, или сдохнешь! Немедленно вспоминай!»

Пациент её безмолвного крика не слышит, зато ощущает совершенно настоящий удар, словно кто-то сзади подкрался и стукнул его по башке. В негодовании оборачивается и вдруг вспоминает, как в его дошкольном, кажется, детстве родители по телевизору смотрели кино, ему тогда совершенно неинтересное, не сказку и не про войну; неважно, важно, что он играл в той же комнате и услышал, как женщина в телевизоре сказала мужчине про что-то: «Тебе вредно, доктор же запретил», – а тот ответил, широко улыбаясь: «Мне теперь всё можно», – и выглядел таким счастливым, как взрослые почти никогда не бывают, может быть в Новый год. Он тогда даже спросил родителей: «А почему дяде всё можно?» – думал, сейчас наконец-то узнает секрет, как надо жить и что делать, чтобы никто ничего не мог запретить, но они не ответили, мама как-то странно скривилась, а отец буркнул: «Это не детский фильм, ты ничего не поймёшь». Но он понял, потому что пока спрашивал и ждал ответа, фильм продолжался, сперва показали, как та женщина плачет, а потом были похороны – следующий эпизод. Так и запомнил: если скоро умрёшь, значит тебе всё можно. Хорошо быть тем, кто скоро умрёт! Не то чтобы часто об этом думал, но всякий раз, когда натёкался на очередное «нельзя» (гулять после наступления темноты, ездить без взрослых в центр на троллейбусе, два сеанса в кино подряд, мороженое, читать перед сном в кровати), думал: а умирающим это можно. И суп они не едят. Потом-то забыл всё, конечно. Но получается, не очень-то и забыл.

Вот видишь, – улыбается Анна, – ты вспомнил! Бедный послушный мальчик, так задолбался от бесконечных дурацких запретов, что намечтал себе смерть. Не горюй, теперь легче лёгкого будет с ней справиться. Я её от тебя отрежу, гляди. Анна щёлкает маникюрными ножницами над макушкой мужчины, не то с перепугу, не то на радостях, не то потому, что смерть и правда отстригли, помолодевшего на добрый десяток лет.

Только теперь, – говорит ему Анна, – учти, от тебя всё зависит. Чтобы эта глупая смерть-мечта не вернулась, надо каждый день говорить себе: «можно». Хоть что-нибудь из запрещённого разрешить. Иначе ничего не получится, скоро снова ко мне прибежишь.

Проводив пациента, Анна настезь открывает окно, кладёт тонкие, как паутинки сероватые нитки в массивную хрустальную пепельницу, поджигает их специальной длинной кухонной зажигалкой и наблюдает, как развеивается по ветру едва видимый глазу, но едкий и смрадный, как от палёного мяса дым.

4. Патриция, Ян

Патриция паркует машину на стоянке напротив парка, пихает в бок задремавшего на сидении Яна – давай! Тот грозит кулаком – не пихайся! – оба смеются, выскакивают на улицу каждый со своей стороны, достают из багажника сапёрную лопатку и самодельный дорожный знак, указатель с устремлённой вверх стрелкой: «Галактика Треугольника – 2,64 млн световых лет». Перебегают дорогу, оглядываются по сторонам – на всякий случай, так-то понятно, что в половине второго ночи с воскресенья на понедельник вряд ли кто-то будет в парке гулять.

Твоя очередь, – говорит Патриция Яну; это неправда, но Яну не трудно, поэтому он не спорит, девчонкам надо иногда уступать. Пока Ян копает, Патриция держит указатель и курит; ты мне оставишь? – беспокоится Ян. Патриция пожимает плечами, что в контексте означает «куда ж я денусь», в смысле, «естественно, да». Через несколько минут дело сделано – это конкретное дело, так-то у них в багажнике ещё десятка полтора указателей с названиями звёзд, планет и созвездий, есть даже туманность Тарантул, до неё, если вдруг кому интересно, от Земли всего 159 800 световых лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.